

ЭРИК ФРЕНК РАССЕЛ
НЕСПЕШИТЫ

Перевод С.В. Клинченко, 1992
Eric Frank Russell The Waitabits (1961)

Он уверенно шагнул по направлению к Ведомству Назначений. Причиной такой уверенности были долгие годы службы, большой опыт и высокое воинское звание. Много лет назад, вызванный сюда в первый раз, он волновался так же, как сегодня волнуются желторотые юнцы, получая этот не терпящий возражений приказ явиться в назначенное время. Но это было давно, очень давно. Теперь он поседел, в уголках глаз прорисовывались морщины, а на эполетах красовались серебряные листья дуба. Все, что ему пришлось повидать, услышать и узнать за свою жизнь, уже лишило его способности удивляться.

Маркхэм предлагал ему трудную задачу. Такова была его работа: ковыряться в мусорной куче лаконичной, искаженной и неправдоподобной информации, выискивать там конкретные проблемы и сваливать их на первого попавшегося, кого он считал подходящим для подобного дела. Нужно сказать, что его жертвы часто бывали недовольны, сбиты с толку или даже терпели неудачу, но в конце концов они никогда не скучали. Все задания отличались оригинальностью, а их решения казались порой фантастичными.

Детектор уловил тепло его тела, и входная дверь бесшумно распахнулась. Он вошел в помещение, опустился на стул перед столом и с невозмутимым спокойствием посмотрел на тучного человека, сидевшего за ним.

- А, командор Лейф, - располагающе произнес Маркхэм, перекладывая и приводя в порядок какие-то бумаги. Затем взял в руки самый верхний документ и стал его внимательно изучать. - Мне сообщили, что ремонт "Громовержца" уже закончен, экипаж на месте, и все готово к полету.

- Совершенно верно.

- Так вот, у меня для вас есть одно задание. - На лице Маркхэма появилась зловещая улыбка, неизменно сопровождавшая подобную фразу. После долгих лет наблюдений он пришел к выводу, что все задания в большей или меньшей степени несерьезны, за исключением тех, где речь может идти о многочисленных жертвах. - Я вижу, что вы готовы и с нетерпением ожидаете нового путешествия.

- Я готов всегда, - ответил командор Лейф.

От сильного нетерпения он избавился три недели назад.

- Здесь у меня последняя сводка донесений разведчиков, - продолжал Маркхэм. Он пренебрежительно махнул рукой в сторону документа. - Вы знаете, что они из себя представляют. Выжатые до предела, а то и вовсе сумасшедшие. Когда мы получаем подробное сообщение с научно обоснованными выкладками, для нас это просто праздник.

- Это результат специальной подготовки, - заметил Лейф. -

Разведчики - не ученые. Они ненормальные, которым нравится блуждать в самых отдаленных районах космоса в полном одиночестве, рассчитывая только на самих себя. Опытные пилоты, желая поразмяться вне стен корабля, они сообщают первое, что попадаете им на глаза. Такие люди полезны и необходимы. Недостатки их работы восполняют те, кто следует за ними.

- Разумеется, - подозрительно быстро согласился Маркхэм. - Именно поэтому мы хотим, чтобы вы сделали следующее.

- Что на этот раз?

- У нас есть последнее донесение Бойделла, прошедшее через несколько промежуточных Секторов. Полная несуразица. - Меркхэм раздраженно хлопнул рукой по лежавшему на столе донесению. - Этого разведчика прозвали Болтун Бойделл. У него есть одна странность - он так скуп на слова, как будто каждое из них стоит ему пятьдесят долларов.

- Вы хотите сказать, что он слишком разговорчив? - улыбнулся Лейф.

- Слишком? Да он сообщил нам меньше, чем ничего. - Маркхэм громко фыркнул. - Восемнадцать совершенно неизвестных планет, и не более десяти слов о каждой. Он открыл в общей сложности восемнадцать планет в семи прежде не исследованных системах, а доклад об этом не занимает и половины страницы.

- С такими темпами на большее просто не остается времени, - осмелился высказать свое мнение Лейф. - Чтобы написать книгу о новом мире, нужно некоторое время там пожить.

- Возможно. Но эти безголовые разведчики могли бы работать лучше, и пора бы им научиться говорить понятнее, - в подтверждение своих слов он ткнул пальцем в донесение. - Вот, к примеру, здесь: посетил одиннадцатую планету, которую назвал Идио по той причине, что она показалась ему какой-то ненормальной. Его сообщение содержит всего четыре слова: "Она ваша. Добро пожаловать". Как вы это понимаете?

Лейф задумался.

- Она пригодна для обитания людей. Там нет сопротивления местного населения, ничего, что помешало бы нам захватить ее. Но, по его мнению, она нам ни к чему.

- Почему?

- Не знаю. Для этого мне нужно побывать там.

- Бойделлу известна причина, - уже разгорячился Маркхэм. - Не следовало ему напускать такого туману, что ничего не разберешь.

- Он разъяснит все, когда вернется в штаб своего Сектора.

- Это может случиться через месяц, а может через год, а то и через несколько лет, особенно, если ему повезет пополнить запасы горючего и заменить отработанные модули на дальних постах. Такие разведчики не соблюдают расписание. Они забираются, куда только смогут, и так же возвращаются. "Цыгане Галактики" - так им нравится называть себя.

- Они выбрали свободу, - возразил Лейф.

Маркхэм никак не отреагировал на это замечание.

- Как бы там ни было, вопрос Идио достаточно незначителен. Я поручу его кому-нибудь из молодых. Это будет для него полезным в плане приобретения опыта. Более сложные, а, возможно, и опасные головоломки достанутся старшим, таким, как вы.

- Какое у вас самое неприятное задание?

- Четырнадцатая планета по списку Бойделла. Он дал ей имя "Планета Вечности", хотел бы я знать, почему. Код этой планеты по его записям 0/1.1/0.7. Это означает, что там можно находиться без специального снаряжения, она того же типа, что и Земля, ее масса больше массы Земли на одну десятую и на ней существует разумная форма жизни отличного от нашего типа интеллекта, но по его уровню теоретически с нами сравнимая. Он назвал эту форму "Неспешиты". Похоже, что, раздавая имена, он пишет первое, что стукнет ему в голову.

- Что он передает относительно их?

- Ха! - передернулся Маркхэм. - Одно слово. Только одно слово.

Он сделал паузу, а затем произнес:

- "Непобедимые".

- Что?

- "Непобедимые", - повторил Маркхэм. - Слово, которого не должно быть в языке разведчика.

Уже совсем выйдя из себя, он нервно выдвинул ящик стола и достал из него регистрационный журнал.

- До этого полета им открыта, нанесена на карту и описана четыреста двадцать одна планета. Сто тридцать семь из них признаны пригодными для человеческой жизни, на них высажены как крупные, так и небольшие партии поселенцев. Обнаружено и контролируется шестьдесят две формы жизни.

Он положил регистрационный журнал назад в стол.

- И там, во тьме, приходит же на ум космическому бродяге такое слово: "Непобедимые".

- Я могу предложить только одну разумную причину, - заговорил Лейф.

- И что же это за причина?

- Возможно, они действительно непобедимые.

Маркхэм не поверил своим ушам.

- Если это шутка, командор, то в плохом стиле. Кто-нибудь мог бы посчитать ее крамольной.

- В таком случае, можете ли вы предложить иную, менее мрачную?

- У меня иной подход к этой проблеме. Я посылаю туда вас, чтобы вы разобрались в этом. Великий Совет особо отметил, чтобы это задание было поручено именно вам. Они считают, что если какие-нибудь еще неизвестные инопланетные формы жизни сумели застрашать одного из наших разведчиков, мы должны узнать о них возможно больше. И чем быстрее, тем лучше.

- Здесь нет ничего, что указывало бы на то, что они действительно запугали Бойделла. Если бы это было так, он сообщил бы нам больше, намного больше. Реальная угроза первого класса - единственное, что могло бы заставить его болтать без умолку.

- Это все гипотезы, - сказал Маркхэм. - Нам не нужны догадки. Мы хотим знать факты.

- Хорошо.

- Обдумайте еще следующие моменты, - добавил Маркхэм. - До сих пор ни одна форма жизни не была способна противостоять нам. Я не понимаю, как это вообще возможно. Любые существа, обладающие хотя бы одним атомом разума, быстро разбираются, с какой стороны бутерброд намазан маслом, если конечно, они употребляют хлеб и любят масло. Если мы являемся к ним и предлагаем им знания, а они выполняют за нас физическую работу, это выгодно как нам, так и им. И вскоре их жизнь улучшается настолько, что им просто нет смысла жаловаться. Если Сирианские Осторожийцы гнут спину на наших шахтах, а потом улетают домой на собственных вертолетах, каких никогда не было у их предков, с чего бы это вдруг им плакаться?

- Я никак не могу взять в толк ваше пояснение, - сухо заметил Лейф.

- Я утверждаю, что силой, безжалостностью, аргументацией, убеждением, поучением и примерами, апеллируя к их разуму или прибегая к любой другой тактике, соответствующей обстоятельствам, мы можем контролировать и использовать любую форму жизни в космосе. Эта теория проверена тысячелетиями - и она работает. Мы доказали, что она работает. Мы заставили ее работать. Один единственный случай, когда мы позволим себе отступить от нее и признаем себя побежденными, - и с нами все кончено. Мы придем в упадок и исчезнем вместе со всеми другими дикими ордами.

Он сгреб все бумаги на столе в одну кучу.

- Разведчик признал себя побежденным. Наверняка он сумасшедший. Но из-за сумасшедших может подняться паника. Великий Совет уже встревожен.

- Значит, я вызван для того, чтобы заняться поисками успокоительного сиропа?

- Да. Найдите Пэрриша в картографическом департаменте. Он даст вам координаты этой мусорной ямы - Планеты Вечности.

Вставая, он протянул руку:

- Спокойного рейса и счастливого возвращения, командор.

- Благодарю.

"Громовержец" висел на сбалансированной орбите, его экипаж изучал новый мир, проплывающий под ним. Это была Планета Вечности, вторая система звезды, очень напоминавшей Солнце. Всего здесь насчитывалось четыре планеты, но только вторая из них дала приют жизни в поддающейся обнаружению форме.

Планета Вечности представляла собой приятное зрелище - крупный голубовато-зеленый шар, сияющий в ярком солнечном свете. Территория ее суши была больше по сравнению с земной за счет меньших водных пространств. Можно было различить небольшие, совершенно бесснежные горные массивы, а также многочисленные реки и озера между поросшими

лесом холмами, которые, как морщины, избороздили всю поверхность планеты, оставляя на ней редкие равнины. Гряды облаков скрывали землю наподобие набухших комочков шерсти и ваты.

В мощные бинокли были видны города и небольшие поселки: большинство из них располагалось на открытых участках, от которых вниз, по направлению к рекам, простирались густые леса. В долинах между холмами извивались широкие дороги с тонкими паутинками мостов. Более крупные города были соединены неясными линиями, напоминавшими железнодорожную колею, но определить их истинное предназначение на таком расстоянии было трудно.

Опустив свой бинокль, первым заговорил социолог Пэскью:

- Если допустить, что ночная сторона практически идентична дневной, то, основываясь на других планетарных вычислениях, я оцениваю общую численность их населения не более, чем в сто миллионов. Достаточно пересчитать горошины в одной банке, чтобы знать их приблизительное количество в других. Самое большее - сто миллионов.

- Это закон для планет этой массы и их скорости размножения, не так ли? - спросил командор Лейф.

- Не обязательно. В далеком прошлом население Земли тоже не превышало эту цифру. Но сравните теперь.

- Вы имеете в виду, что эти неспешиты - относительно молодой вид?

- Возможно. Но с другой стороны, они могут быть престарелым и быстро вымирающим видом. Также можно предположить, что они просто медленно размножаются, и их естественный прирост невелик.

- Меня теория умирания не убеждает, - включился в разговор Уолтерсон, геофизик. - Если бы когда-то их было намного больше, то на планете и сейчас остались бы какие-то следы. Прошлое величие заметно и спустя века. Вы помните тот город, что мы обнаружили на Геркулесе? Даже обитатели планеты ничего о нем не знали, а увидеть его можно было только со значительной высоты.

Они снова принялись внимательно изучать обширные лесные пространства, теперь уже в поисках там размытых правильных линий, но так ничего и не обнаружили.

- Они возникли исторически недавно или медленно размножаются, - решил, наконец, Пэскью. - Таково мое мнение на этот счет.

Хмуро взирая на голубовато-зеленый мир, Лейф медленно произнес:

- По нашим проверенным космическим стандартам мир, насчитывающий сто миллионов обитателей, слабый. И, конечно же, этого недостаточно, чтобы привести в состояние ужаса даже самого мелкого бюрократа, не говоря уже о целом Совете.

Он повернулся и, увидев только что вошедшего связиста, вопросительно поднял бровь:

- Ну что там?

- Сигнал из Девятого Сектора, сэр.

Распечатав уже расшифрованное сообщение, Лейф стал читать его вслух:

[19.12. Внеземное пространство. Штаб Оборона командир боевого корабля "Громовержец". Легкий крейсер "Пламя" под командованием лейтенанта Мэллори направляется в ваш Сектор для инспекции Идио. Двадцатая эскадра тяжелых крейсеров приведена в боевую готовность в космопорте Арлингтона, Сектор Девять. Настоящим вы уполномочиваетесь вызвать перечисленные силы в случае необходимости, принимая над ними командование. Ратбоун, Командующий Оперативным Департаментом. Штаб Оборона. Земля.]

Он положил сообщение к другим таким же и, пожав плечами, сказал:

- Кажется, они все-таки решились.

- Да уж, - насмешливо согласился Пэскью. - Итак, они приготовили нам подкрепление, которое мы сможем без проблем позвать на помощь, и

которое находится слишком далеко, чтобы нам таковую оказать. "Пламя" долетит сюда не раньше, чем через семь недель, кораблям в Арлингтоне понадобится не менее девятнадцати - двадцати недель, даже используя суперускорители. К этому времени нас можно уже поджарить, съесть, икнуть и забыть.

- Я вообще не пойму, из-за чего вся эта кутерьма? - выразил свое недовольство Уолтерсон. - Этот разведчик Бойделл побывал здесь, и никто у него ничего не отъел, ведь так же? А там, где прошел один, пройдет и тысяча.

Пэскью посмотрел на него с сожалением.

- Одиноким чужаком вряд ли кого испугает. В этом преимущество разведчиков. Вспомните Реми П. Тот парень, его звали Джеймс, открывает ее, высаживается, заводит дружеские отношения, становится братом по крови, наконец, улетает, провожаемый восторженными криками ее доверчивых обитателей. А потом там приземляются три корабля с солдатами. Местным жителям этого не понять. В психологии ремитян решающим фактором является количество. В результате - война с планетой Реми, если вы помните историю, была долгой, ожесточенной и нам обошлась дорого.

- Я знаю историю достаточно хорошо, чтобы напомнить вам, что в те доисторические времена использовались обычные тупоголовые космические полицейские, и не было людей, специально подготовленных к контакту, - резко возразил ему Уолтерсон.

- Тем не менее, то, что когда-то уже имело место, может повториться снова.

- Вот об этом я сейчас и думаю, - вмешался в дискуссию Лейф. - Могут ли они, едва завидев боевой корабль длиной в полтора километра, сразу же начать какие-либо действия, которые привели бы к значительным действиям? Или, чтобы смягчить первый контакт, мне лучше рискнуть экипажем спасательного катера? Жаль, что этот Бойделл не слишком разговорчив.

Нервно покусывая верхнюю губу, он снял трубку переговорного устройства и вызвал рубку связи.

- Есть ли что-нибудь от Бойделла?

- Нет, командор, - ответил голос в трубке. - В Девятом Секторе считают, что ничего ждать и не приходится. Они только что сообщили, что он даже не отвечает на их запросы. По их мнению, Бойделл сейчас вне радиуса досягаемости. Последний раз его наблюдали уже за пределами слышимости.

- Ладно.

Лейф небрежно бросил трубку и снова стал внимательно всматриваться в ландшафт, простиравшийся в видовом иллюминаторе.

- Мы ждем уже семь часов, и никто нами не заинтересовался. Там внизу не видно даже признаков волнения. Держу пари, что у них нет не то что кораблей, а даже простейших летательных аппаратов, так же как нет и космических обсерваторий. Они слаборазвиты в нашем понимании.

- Но они могли достичь прогресса на каком-то другом пути развития, - высказал свое мнение Пэскью.

- Именно это я и имел в виду, - нетерпеливо бросил Лейф. - Мы висим в зоне видимости телескопов достаточно долго. Если бы они были способны эффективно противостоять нам, мы бы это уже испытали. Я не склонен выяснять, кто на самом деле эти неспешиты, послав туда нескольких человек в невооруженной шлюпке. Мы совершим посадку на "Громовержце". Надеюсь, с головой у них все в порядке.

И он стремительно направился к главной рубке управления, отдавая на ходу необходимые распоряжения.

Место для посадки было выбрано на плоской, без единого деревца, вершине утеса в четырнадцать километрах к югу от крупного города. Более подходящего места не стоило и искать. Огромный, длиной в полтора километра корабль приземлился, не причинив никому никакого вреда. Грунт здесь был достаточно твердым, чтобы не просесть под его весом. Некоторое

возвышение давало стратегическое преимущество орудиям "Громовержца".

Несмотря на близкое расстояние, город был вне поля зрения, скрываемый заступавшими его холмами. Через долину проходила узкая дорога, но сейчас на ней не было никакого движения. Между этой дорогой и утесом пролегали двухколейные железнодорожные пути с приблизительно полуметровой шириной колеи и гладкими, без стыков, рельсами из серебристого металла, проложенными в углублениях бетонного или иного, подобного ему, основания.

Громадный, черный, несущий в себе что-то зловещее "Громовержец" безмолвствовал, наглухо задраив все входные люки и одновременно открыв орудийные амбразуры. Лейф напряженно изучал железную дорогу, ожидая звонка из измерительной лаборатории. Вскоре тот прозвучал. Он снял трубку и услышал голос Шэллома:

- Воздух пригоден для дыхания, командор.

- Это мы знали и раньше. Разведчик дышал им и не умер.

- Так точно, командор, - спокойно согласился Шэллом. - Но вы интересовались точным анализом.

- Да. Ведь мы не знаем, сколько находился здесь Бойделл. Может, день, а может, неделю. Как бы там ни было, но для нас этого не достаточно. Его могло скрутить, пробудь он здесь месяц или два, испытав длительное его воздействие. Нас интересует безвредность атмосферы для постоянного пребывания.

- Практически безвредная, командор. Довольно много озона и аргона, а в остальном очень похожа на земную.

- Хорошо. Тогда откроем люки и позволим экипажу размять ноги.

- Вот еще кое-что интересное, - продолжал Шэллом. - Предварительные исследования заняли семь часов двадцать две минуты. За это время продольное смещение выбранной на экваторе точки составило около трех десятых градуса. Это значит, что период обращения планеты вокруг своей оси приблизительно равен одному земному году. Их день и ночь длятся по шесть месяцев.

- Спасибо, Шэллом, - несколько не удивившись подобному сообщению, закончил разговор Лейф.

Он связался с главным машинным отделением и приказал Бентли открыть силовые замки люков и шлюзов.

Потом позвонил лейтенанту Хардингу, командиру пехотинцев, и разрешил выйти наружу четвертой части его личного состава при условии, что они возьмут с собой оружие и будут отходить дальше пределов досягаемости орудий "Громовержца".

После этого он развернулся на своем пневматическом кресле к иллюминатору, разместил ноги на небольшом выступающем подоконнике и стал спокойно созерцать инопланетный пейзаж. Уолтерсон и Пэскью с видом людей наблюдавших за огоньком, бегущим по потянувшемуся к пороховой бочке бикфордову шнуру, нетерпеливо топтались рядом.

Снова позвонил Шэллом и доложил о результатах измерений гравитационного и магнитного полей. Через несколько минут он уже сам пришел в командирскую рубку с более подробной информацией об атмосферной влажности, барометрических колебаниях и уровнях радиации. Казалось, ему безразлично, что творится на окружающих корабль холмах, до тех пор пока это не зафиксируют его датчики. По его мнению, никакой реальной опасности не существовало, если она не отражалась на подрагивании стрелок или на светящихся бликах экранов.

Снаружи две сотни парней карабкались вниз по склону утеса и уже добрались до небольшой поляны со светло-зеленой растительностью; но это была не трава, а что-то похожее на стелющийся, переплетенный между собой стеблями клевер. Затем они стали гонять мяч, бороться, играть в чехарду или просто довольствоваться тем, что лежали на земле, глядя в небо и наслаждаясь солнечным днем. Маленькая группа отправилась к расположенной в километре безмолвной железной дороге. Люди обследовали ее, походили по

рельсам, балансируя, как канатоходцы, вытянув руки в стороны, раскачиваясь и пытаясь сохранить равновесие.

Из команды Шэллома наружу вышли четверо. У двоих в руках были лопаты и ведра, как у детей, собравшихся на пляж, третий нес ловушку для всяких козявок, четвертый тащил светоскоп. Первая пара занялась рытьем земли и выкапыванием клевера, затем приволокли все это на корабль для своих анализов и изучения бактерий. Ловец букашек поставил свой ящик и уснул рядом с ним. Светоскоп аккуратными зигзагами продвигался вокруг подножия утеса.

Спустя два часа прозвучал свисток Хардинга, приказывая всем возвращаться, и солдаты с неохотой поплелись назад. Теперь они снова были заперты в тесном пространстве корабля, где провели уже столько времени. За ними высыпали вторые двести человек и точно так же, как первые, дурачились, включая и эквилибристику на рельсах.

Когда и эта компания уже насладились своей порцией свободы, зазвонил колокол кухни, возвестивший, что готов обед. Экипаж поел, после чего караул № 1 завалился на свои койки и уснул без задних ног. На лужайку выбежала третья партия солдат. Неутомимый Шэллом сообщил об обнаружении девяти новых разновидностей блох, ожидающих, чтобы их представили энтомологу Гарсайду, и тот каждый раз снисходил до того, что вылезал из постели.

Когда четвертая и последняя команда пехотинцев вернулись со своей двухчасовой прогулки, Пэскью уже все здесь осточертело. От недосыпания у него под глазами образовались круги, но его любопытство так и не было удовлетворено.

- Более семи часов ожидания на орбите, - пожаловался он Лейфу, - и еще восемь здесь. Всего около пятнадцати часов. Где это видно?

- Людям необходим был отдых, - ответил Лейф. - Первая заповедь капитана - забота о людях, которая должна превалировать над всеми другими заботами. Без этого нельзя решить ни одну задачу. Люди стоят больше, чем корабль. Они могут строить корабли, но корабли не могут создавать людей.

- Ну хорошо. Парни получили отдых, немного проветрились, их моральное состояние улучшилось, все в соответствии с лучшими психологическими методиками. Что дальше?

- Если ничего не случится, у них будет возможность выспаться. Сейчас отдыхает первый караул, два других тоже имеют право на это.

- Но это значит, что мы будем сидеть без дела еще восемнадцать часов, - запротестовал Пэскью.

- Необязательно. Неспешиты могут появиться в любой момент. Нельзя предположить, сколько их будет, какие у них намерения и как они собираются осуществить их. В этом случае все поднимутся по тревоге, и может завязаться такой бой, что вы запомните его на всю жизнь.

Лейф сделал рукой жест в направлении двери.

- А пока все тихо, ложитесь спать. Если заварится каша, другого такого случая, возможно, придется ждать долго. В нашем положении вымотанный человек - это бессильный человек.

- А как же вы?

- Как только Хардинг сможет меня сменить, я тоже упаду в кровать и попытаюсь сладко выспаться.

Пэскью недовольно фыркнул, вопросительно посмотрел на Уолтерсона, но с его стороны поддержки не получил. Уолтерсон засыпал стоя при одном упоминании о кровати. Пэскью снова хмыкнул, на этот раз громче, и вышел. За ним отправился и Уолтерсон.

Они вернулись в рубку через десять часов и нашли Лейфа свежевыбритым и отдохнувшим. В иллюминаторе был все тот же вид, что и раньше. Два десятка человек забавлялись на свежем воздухе под лучами солнца, которое, казалось, совсем не изменило своего положения. Та же безлюдная дорога и холмы, те же молчаливые, бесстрастно хранившие дух заброшенности железнодорожные пути.

- Вот хороший пример того, как из ничего получить нечто, - поучительно произнес Пэскью.

- О чем это вы? - осведомился Лейф.

- Город находится в четырнадцати километрах отсюда. Мы могли бы дойти до него за два часа. У них было больше чем достаточно времени, чтобы поднять тревогу, собрать войска и атаковать нас. - Он показал на мирный пейзаж снаружи: - Где же они?

- Так может, вы нам скажете? - подбодрил его Уолтерсон.

- Всякая форма жизни, способная построить дороги и проложить рельсы, несомненно, должна обладать глазами и мозгами. Поэтому с достаточной уверенностью можно сказать, что они видели нас и на орбите, и потом, когда мы снижались. Я не поверю, что они не подозревают о нашем существовании. - Он посмотрел поочередно на Лейфа и Уолтерсона и продолжал: - Они не показываются, потому что умышленно держатся от нас на расстоянии. А значит, они нас боятся. Следовательно, считают себя гораздо слабее, как по тому, что они видят перед собой, так и по тому, что они узнали о нас, войдя в контакт с Бойделлом.

- Я не согласен с последним замечанием, - прервал его Лейф.

- Почему?

- Что же они видят, глядя на нас? Космический корабль и все. Ничто не указывает на то, что Бойделл представлял именно нас, хотя до этого не так уж сложно додуматься. Фактически мы остаемся для них кучкой неизвестных существ.

- Эта ложка дегтя абсолютно не портит мою бочку меда.

- Этот факт портит ваши заключения в двух пунктах, - доказывал свое Лейф. - Во-первых, как могут они считать себя слабее, не попытавшись даже взглянуть на нас? Во-вторых, Бойделл сам назвал их непобедимыми. А это наводит на мысль об их силе. И силе значительного порядка.

- Послушайте, - не унимался Пэскью. - Неважно, сильнее они или слабее в их собственном понимании. В конечном счете они не могут противостоять могуществу человеческой расы. Главное сейчас знать, дружелюбны они или враждебны по отношению к нам.

- Ну и что из этого?

- Если дружелюбны, то давно бы уже пытались договориться с нами. Но даже намек на это нет, ни малейших признаков. Отсюда следует, что мы им не нравимся. Они забились в свои норы, потому что им не хватает мускулов, чтобы достойно ответить нам. Они нырнули под одеяла, надеясь, что мы уберемся и позабудемся где-нибудь в другом месте.

- Есть иная точка зрения, - перебил его Уолтерсон, - что они достаточно сильны, как и дает нам понять Бойделл. А держатся на расстоянии потому, что вполне осознают выгоду драться на своей территории, диктуя нам свои собственные условия. Если они отказываются прийти сюда, то нам нужно идти к ним, или смириться с теперешним положением вещей. Если так, то сейчас они готовятся к нашему визиту, после чего, - он выразительно провел указательным пальцем, по горлу, - ж-ж-и-к!

- Чушь! - вспыхнул Пэскью.

- Скоро мы узнаем, сильные мы или слабые, - произнес Лейф. - Я приказал Уильямсу приготовить вертолет. Неспешиты не могут не заметить эту жужжащую машину. И нам удастся много узнать о них, если его не собьют.

- А если собьют? - спросил Пэскью.

- На этот вопрос ответ будет тогда, когда он возникнет, - заверил его Лейф. - Ведь вам, равно как и мне, хорошо известен принцип, что враждебность нельзя распознать до тех пор, пока она сама себя не проявит.

Он подошел к иллюминатору и стал пристально всматриваться в поросшие лесом холмы. Потом, как будто что-то увидев, поднес к глазам бинокль.

- Святое провидение! - воскликнул он. Пэсью бросился к нему.
- Что случилось?
- Наконец хоть что-то происходит. По крайней мере, это поезд, -

Лейф передал ему бинокль. - Посмотрите сами.

Десяток человек экипажа старательно спиливали с рельсов металлический порошок для проведения анализов в лаборатории. Как только до них донеслись незнакомые звуки, они бросили свое занятие и, прикрыв от солнца глаза руками, застыли, открыв рты и глаза в направлении востока, как парализованные.

На расстоянии нескольких километров, огибая холм, со скоростью не больше и не меньше, как два с половиной километра в час, тащился обтекаемой формы экспресс. Около десяти минут люди недоверчиво наблюдали за этим чудом, которое покрыло за это время целых полкилометра.

Сирена "Громовержца" предупреждающе завывала, и собиратели образцов, очнувшись, стали взбираться на расположенный под углом в сорок градусов утес, не очень при этом напрягаясь, но со скоростью большей, чем надвигавшаяся на них по равнине опасность. У последнего из них хватило ума прихватить с собой немного порошка, который позже был классифицирован Шэллоном как титановый сплав.

Впечатляющий, чудовищный "Громовержец" ждал первого официального контакта. Из каждого иллюминатора на дорогу и поезд смотрели как минимум три напряженных лица. Все считали само собой разумеющимся, что, подъезжая, машина остановится у подножия утеса и из нее для ведения переговоров появятся странные на вид существа. Никому в тот момент не приходило в голову, что она может проехать мимо.

Но она все-таки проехала мимо.

Поезд состоял из четырех пассажирских вагонов без локомотива. Крохотные, ниже человеческого роста, вагончики катились, перевоза около двух десятков созданий с малиновыми лицами и совиными глазами; некоторые из них отрешенно глядели в пол, другие на соседей, по сторонам, куда угодно, но только не на величественного пришельца на вершине утеса.

С момента, когда поезд заметили, прошел ровно один час двадцать четыре минуты. Это было то рекордное время, за которое он преодолел расстояние от холма до утеса.

Командор Лейф опустил бинокль и тоном, выражавшим полное разочарование, обратился к Пэсью:

- Вы точно запомнили, как они выглядят?

- Да. Краснолицые, с похожими на клюв носами и немигающими глазами. Один положил руку на окно, и я заметил, что на ней пять пальцев, как у нас, но более тонких.

- Намного медленнее, чем пешеход, - задумчиво выговорил Лейф. - Вот как это называется. Я даже с натертыми обувью ногами передвигаюсь быстрее.

Он вновь растерянно посмотрел в иллюминатор. Поезд преодолел еще около тридцати метров.

- Хотел бы я знать, не основана ли их сила, которую приписывает им Бойделл, на какой-нибудь скрытой форме хитрости?

- А как считаете вы?

- Если они не могут справиться с нами, пока мы держим корабль в полной боевой готовности, то они должны попытаться усыпить нашу бдительность.

- Ну и что, мы ведь не клюнули? - парировал Пэсью. - Если бы кто-нибудь и надумал напасть на нас, то и прицелиться не успели бы. Я не понимаю, как они могут усыпить нашу бдительность, только ползая вокруг нас?

- Их тактика должна соответствовать их собственной логике, а не нашей, - пояснил Лейф. - Возможно, в этом мире такое ползание вокруг означает начало атаки. Так ведет себя стая диких собак - отставшее животное разрывают на части.

Он на какое-то время задумался, затем заговорил снова:

- То, что случилось, кажется мне подозрительным. Я не люблю показного безразличия, такого, как у них. Проезжая мимо нас, они все устали в одну точку. Это неестественно.

- Вот именно! - закричал готовый спорить и убеждать Пэскью.

Лейф небрежно махнул рукой:

- Это грубая ошибка, присущая детям: мерить все на свой лад. То есть, я хотел сказать, что ненормально иметь глаза и не пользоваться ими.

- На Земле, - внес свою лепту в разговор Уолтерсон, - некоторые люди имеют руки, ноги, глаза и даже мозги, но не используют их из-за того, что имеют несчастье быть неизлечимо больными. - Воодушевленный установившейся тишиной, он повел дальше: - А что, если эта ветка соединяет город с санаторием или больницей? Возможно, она служит только для перевозки больных.

- Скоро мы это узнаем, - Лейф включил переговорное устройство. - Уильямс, вертолет готов?

- Он уже собран, сейчас его заправляют горючим, командор. Через десять минут он сможет взлететь.

- Кто дежурный пилот?

- Огилви.

- Пусть полетит за поездом и сообщит, что находится на другом конце этой ветки. Это нужно сделать до облета города, - и, повернувшись к остальным, добавил: - Шэллом должен дать общую картину окрестностей, но она не будет такой подробной, как та информация, которую мы получим от Огилви.

Пэскью, снова глядя в иллюминатор, спросил:

- Сколько это - медленнее, чем медленно?

- То есть?

- Когда нечто постоянно движется таким черепашим шагом, что и до следующего года не доберется до цели, можно ли говорить еще и о каких-то тормозах? - И, поясняя свою мысль, продолжил: - Может, это только плод моего воображения, но я представил себе, что поезд резко сбросил скорость до нескольких метров в час. Я думаю, никто из пассажиров не пострадает, если в результате этого его швырнет из одного конца поезда в другой.

Лейф посмотрел в сторону поезда, который находился сейчас приблизительно в полукilометре от них. Но из-за слишком малой скорости и из-за того, что он двигался под углом к наблюдателю, невозможно было определить, прав Пэскью или нет. Лейф следил за поездом еще целых пятнадцать минут, прежде чем убедился, что тот замедляет ход.

В это время вертолет с характерным звуком вращающихся с огромной скоростью лопастей уже взмыл в воздух. Двигаясь вдоль железнодорожного полотна, он обогнал поезд и стал лавировать между холмами, пока его пластиковая яйцеобразная кабина не стала похожа на семечко фигового дерева.

Соединившись с рубкой связи, Лейф приказал:

- Подключите нас к переговорной линии Огилви. Он вернулся к иллюминатору и вновь стал наблюдать за поездом. Никто из членов экипажа не спал, все тоже следили за происходившим снаружи.

- Поселок в десяти километрах по железной дороге, - прогремело в динамике. - Еще один - в шести километрах от него. Третий - в восьми километрах дальше. Высота две тысячи четыреста метров. Поднимаюсь выше.

Через пять минут голос Огилви зазвучал снова:

- На путях поезд из шести вагонов, движется в восточном направлении. Кажется, остановился, а может, и нет, с такой высоты разобрать трудно.

- Следует в другом направлении, но с той же скоростью, - заметил Пэскью, глядя на Уолтерсона. - Провалилась ваша теория перевозки больных, если этот поезд тоже забит зомби.

- Высота три шестьсот, - объявил динамик. - За холмами вижу большой

город с вокзалом. Расстояние от базы - сорок три километра. Если не будет приказа вернуться, совершу облет.

Лейф не проронил ни слова. Наступила продолжительная тишина. Поезд был уже в километре от них, сумев сбавить скорость до одного метра в минуту. В конце концов он остановился. Простояв около четверти часа, он столь незаметно начал откатываться назад, что успел проползти около двух десятков метров, прежде чем наблюдавшие за ним поняли, что он изменил направление движения. Лейф навел на него свой мощный бинокль. Поезд определенно возвращался.

- Забавная картинка, - проорал из динамика Огилви. - Улицы заполнены народом, но все как будто примерзли. То же самое, как я теперь понимаю, и в поселках. Я пролетел над ними слишком быстро, чтобы определить это.

- Он спятил, - не сдержался Пэскью. - Что он может утверждать, находясь на такой высоте?

- Я сейчас прямо над их главной улицей. Это проспект, обсаженный по обеим сторонам деревьями, с тротуарами, запруженными народом, - рассказывал дальше Огилви. - Если кто-то и движется, я все равно не могу заметить этого. Прошу разрешения снизиться до ста пятидесяти метров.

Через второй микрофон, соединенный с рубкой связи, Лейф поинтересовался:

- Нет ли там каких-либо явных признаков того, что они готовятся оказать нам сопротивление, как, например, летательные аппараты, ракетные установки?

- Нет, командор, ничего такого я не вижу.

- Тогда снижайтесь, только не слишком быстро. Если они начнут стрелять, немедленно уходите.

Опять наступила тишина. Лейф продолжал следить за поездом - тот все так же пятился со скоростью, для которой, впрочем, вряд ли подходило само это определение, если понимать под ним быстроту движения. Лейф подсчитал, что на следующую станцию поезд придет более чем через час.

- Высота сто пятьдесят, - раздалось в динамике, - Всемогущий Зевс! Я никогда ничего подобного не видел. Они двигаются, это точно. Но так медленно, что мне пришлось дважды себя проверить, дабы убедиться, что они живые и не спят.

После небольшой паузы Огилви продолжал свой рассказ:

- Хотите верьте, хотите нет, но здесь есть что-то наподобие трамвая. Одиннадцатимесячный ребенок, который учится ходить, мог бы спокойно обогнать его.

- Возвращайтесь, - неожиданно приказал Лейф. - Возвращайтесь, и после доложите обо всем, что видели.

- Слушаюсь, командор, - в голосе Огилви чувствовалось явное нежелание подчиняться приказу.

- Какой смысл отзывать его оттуда? - раздраженно спросил Пэскью, недовольный потерей такого источника информации. - Никакая серьезная опасность ему не угрожает.

Зачем мы его вообще посылали, если не отваживаемся разузнать там все подробнее?

- Он должен ответить на самый главный для нас вопрос, а именно: то, что мы видим вокруг нас, характерное состояние для всей планеты или только для определенного ее места? После осмотра еще одного города я pošлю его за тысячу километров отсюда. Этот третий полет разъяснит многое, - его серые глаза выражали напряженную работу мысли. - В давние времена пришелец с Марса мог бы сильно ошибиться, если бы характеризовал Землю как последний оставшийся приют для прокаженных. Сегодня мы сделаем аналогичную ошибку, что все это карантинная зона, заселенная паралитиками.

- Не может быть! - испуганно вырвалось у Уолтерсона. - Если мы совершили посадку в резервации для тяжелобольных, то нам надо поскорее выбираться отсюда! Я не хочу заразиться каким-нибудь вирусом, против

которого у меня нет естественного иммунитета. Мне просто повезло, когда я не попал в ту экспедицию на Гермес шесть лет назад. Помните? В течение трех дней пребывания на планете весь экипаж погиб. Разраставшиеся во все стороны пучки зловонных отростков на их телах позже были классифицированы, как грибковые образования.

- Посмотрим, что скажет Огилви, - решил Лейф. - Если он сообщит, что где-то есть более привычные для нас условия, мы переберемся туда. А если окажется, что они везде одинаковые, останемся здесь.

- Останемся! - повторил вслед за командором Пэскью. Весь его вид выражал отвращение. - Что-то подсказывает мне, что вы выбрали именно то слово - останемся. - Он кивнул на иллюминатор, за которым уже столько времени подбирался к ним поезд. - Если во всем том, что мы видели и слышали, есть хоть какой-то смысл, то это значит, что мы сели в совершенно заслуженную нами лужу.

- А точнее? - проявил заинтересованность Уолтерсон.

- Мы можем оставаться здесь миллион лет или же вернуться домой. Впервые в нашей триумфальной истории мы терпим настоящее и полное поражение. Мы абсолютно ничего не выжмем из этого мира по одной очень уважительной причине, и поделаться здесь ничего нельзя, я хочу сказать, что наша жизнь очень коротка.

- Я не спешу с преждевременными выводами, - поставил точку в дискуссии Лейф. - Подождем Огилви.

Скоро динамик удивленно сообщил:

- Этот город тоже заполнен ползунами. И трамваи передвигаются с той же скоростью, если это только можно назвать скоростью. Если хотите, я снижусь и опишу все подробнее.

- Нет, - проговорил Лейф в микрофон. - Сделайте как можно более глубокую разведку в восточном направлении. Заберитесь возможно дальше. Особенно нас интересуют изменения данного феномена. Если обнаружите их, немедленно докладывайте.

Он отставил микрофон и повернулся к остальным:

- Все, что нам остается сейчас, это не спешить.

- Вот, вы произнесли это! - воскликнул Пэскью. - Ставлю тысячу против одного, что Бойделл сидел здесь, как и мы, ковыряясь в зубах и ожидая неизвестно чего, пока ему это не надоело.

Внезапно слушавший их Уолтерсон разразился громким хохотом, чем поверг присутствующих в изумление.

- Что с вами? - изучающе глядя на него, спросил Пэскью.

- Какие только мысли не приходят иногда в голову, - извиняющимся тоном произнес Уолтерсон. - Вот мне сейчас подумалось, что если бы лошади походили на улиток, их никогда нельзя было бы запрячь. Это вполне разумный принцип, но как, черт возьми, приткнуть его здесь?

- Город в шестидесяти восьми километрах восточнее базы, - объявил Огилви. - Все то же, что и раньше. Две скорости: двигаются медленно, как покойники, и медленнее, чем покойники.

Пэскью посмотрел в иллюминатор.

- Клоп быстрее перебирает лапами, чем тащится этот поезд. Он наверняка остановится возле нас. - Немного поразмыслив, он закончил: - Как бы там ни было, одно мы знаем точно - они нас боятся.

Сосредоточенно что-то обдумывая, Лейф соединился с Шэлломом:

- Мы выходим наружу. До нашего возвращения записывайте все доклады Огилви. Если он сообщит о любых быстрых перемещениях, подайте нам короткий сигнал сиреной.

Затем он позвонил Нолану, Хоффнэглу и Ромеро, трем специалистам по контакту:

- Готовьте ваши таблицы.

- По инструкции, - напомнил о себе Пэскью, - до тех пор, пока контакт не состоялся и не доказано, что чужаки настроены дружелюбно или, по крайней мере, неввраждебно, командир должен осуществлять полный контроль за своим кораблем.

- К черту инструкции, сейчас не тот случай, - резко оборвал его Лейф. - Меня интересует поезд. По-моему, уже пора хоть в чем-то определиться. Решайте сами, идете вы или нет.

- Четырнадцать поселков вдалеке, - вмешался откуда-то со своей высоты Огилви. - И все в них так торопятся, что можно умереть со скуки, глядя на них. Держу курс на город на горизонте.

С кипами цветных таблиц в руках явились специалисты по контакту. Они были без оружия - им единственным запрещалось его ношение. Этот запрет основывался на теории, по которой явная беспомощность порождает доверие. В большинстве случаев она находила оправдание, и контактеры оставались живы. Время от времени она не срабатывала, и жертвы получали всего лишь достойное погребение.

- А нам как? - посмотрев на вновь прибывших, спросил Уолтерсон. - Возьмем оружие?

- Рискнем выйти без него, - решил Лейф. - Раса, достаточно разумная, чтобы развезжать на поездах, должна четко представлять, что произойдет, если она только попытается тронуть нас. Пока мы будем вести переговоры, орудия корабля будут держать их на прицеле.

- Я не полагаюсь на их способность размышлять, как это понимаем мы, - заметил Пэсью. - За всей их показной цивилизованностью может скрываться самый коварный нрав в системах с этой стороны Сириуса. - Он ухмыльнулся и добавил: - Но я доверяю своим ногам. Если эти неспешиты что-то и задумают, я успею превратиться в легкое облачко пыли в лучах заходящего солнца раньше, чем они что-либо предпримут.

Лейф улыбнулся, и они пошли к главному выходу. У каждого иллюминатора толпились люди, наблюдавшие за их спуском по склону к дороге.

Орудийные расчеты в башнях, хотя и были приведены в состояние полной боевой готовности, тем не менее прекрасно сознавали, что нельзя палить во время переговоров из-за риска попасть как в чужих, так и в своих. Но в случае необходимости они могли нарушить этот нейтралитет, разрушив пути впереди и сзади поезда, изолируя его для дальнейшей обработки. На все остальное время им отводилась роль устрашения. Несмотря на отсутствие всякой видимой угрозы со стороны этого мира, среди старых членов экипажа существовали определенные опасения. Прежде мирная обстановка не раз обманывала людей, и они остерегались какого-нибудь подвоха.

Шестерка добралась до железной дороги приблизительно в двухстах метрах от поезда и теперь повернула прямо к нему. Они уже видели машиниста, сидевшего в кабине за панелью из стеклоподобного материала. Его большие желтые глаза напряженно смотрели прямо перед собой, малиновое лицо было лишено всякого выражения, обе руки лежали на рычагах. Подлюжины пришельцев на путях не производили на него никакого впечатления, он даже не шевельнулся.

Лейф первым подошел к двери кабины - и встретился с неразрешимой проблемой номер один. Он взялся за ручку, распахнул дверь и с располагающей улыбкой дружески произнес:

- Здравствуйте!

Машинист не ответил. Но его зрачки стали перемещаться к краям глаз, а поезд продолжал двигаться по рельсам в том же темпе, так что Лейф едва не выпустил ручку двери. Чтобы сохранить равновесие, ему пришлось сделать шаг. Когда зрачки машиниста уже были в углах глаз, Лейф вынужден был сделать второй шаг.

Только теперь начала поворачиваться голова машиниста. Лейф сделал еще один шаг. Она повернулась еще немного. Еще шаг. Пятеро его товарищей старались не отставать. В действительности это было довольно трудно. Они не могли оставаться на месте и дать поезду уползти, и не могли идти нормально, не обгоняя его. В итоге получалось нелепое движение в рваном ритме: с маленькими шажками и длинными паузами.

Когда голова машиниста повернулась уже наполовину, длинные пальцы

его правой руки начали отпускать ручку рычага. В это же нескончаемо долгое мгновение рычаг пришел в движение. Машинист несомненно что-то предпринимал. Неожиданно оказавшись в чрезвычайной ситуации, он лихорадочно искал выход из нее.

Все еще держась за дверь, Лейф продвигался вместе с поездом. Остальные тоже вышагивали рядом с ним, соблюдая паузы. На лице Пэскью читалась почтительность человека, вынужденного присутствовать на похоронах своего богатого дядюшки, который перед смертью вычеркнул его из завещания. Воображение подсказывало Лейфу, какие скабрзные шутки в их сторону отпускали наблюдавшие все это из корабля.

Проблему восстановления офицерской чести он решил очень просто - войдя в кабину машиниста. Но лучше от этого не стало. Он избежал топтания в комичной процессии, но сейчас ему пришлось опять делать выбор: или стоять в кабине, полусогнувшись, или опуститься на колени.

Голова машиниста, наконец, повернулась, он смотрел прямо на вошедшего. Рычаг был переведен в крайнее положение. Что-то до этого времени шипевшее под вагоном утихло, и продвижение затормозившего поезда происходило теперь только по инерции. Оно измерялось уже сантиметрами и даже миллиметрами.

- Здравствуйте! - повторил Лейф, чувствуя, что никогда не произносил ничего более глупого, чем сейчас.

Рот машиниста начал открываться, образуя овал; обнажились длинные узкие зубы. Языка не было. Форма овала менялась, и когда машинист открыл рот именно так, как ему хотелось, его собеседник мог бы выкурить полсигареты. Ободренный Лейф приготовился слушать ожидаемое приветствие. Но ничего не произошло, ни звука не вылетело из широко открытого рта, не прозвучало ни одной ноты, ни единого децибелла. Лейф подождал немного, надеясь все-таки, что первое слово прозвучит раньше следующей недели. Форма овала еще немного изменилась, а маленькие розовые щупальца во рту скорчились наподобие агонизирующих червячков. На этом все закончилось.

Уолтерсон перестал топтаться по ковру из клевера и, обращаясь к Лейфу, сказал:

- Он остановился, командор.

Выйдя из кабины, Лейф засунул руки глубоко в карманы и с видом человека, потерпевшего неудачу, посмотрел на машиниста, чье ранее абсолютно безразличное выражение лица сменялось теперь крайним удивлением и интересом. Лейф мог наблюдать его мимику, одновременно изучая весь его томный облик хамелеона, меняющего окраску.

- Какое внимание, черт побери! - съехидничал Пэскью, подталкивая Лейфа локтем и показывая на ряд ручек дверей вагонов. Большинство из них медленно поворачивались. - Они сейчас затопчут друг друга в спешке, попытаюсь выбраться из вагонов.

- Откройте им двери, - распорядился Лейф.

Хоффнэгл, стоявший как раз напротив одной из них, повернул ручку и потянул дверь на себя. Она открылась с уцепившимся за нее с другой стороны пассажиром, который не успел ее отпустить. Уронив таблицы для контакта, Хоффнэгл проворно поймал свою жертву и поставил ее на землю. По словам Ромеро, все это заняло сорок восемь секунд. На лице пассажира было написано что-то вроде озадаченности.

После этого происшествия двери открывали со всей осторожностью налогового инспектора, обнаружившего странное денежное поступление и аккуратно отмечавшего его галочкой. Пэскью со свойственным ему нетерпением ускорил этот процесс: он хватал инопланетян и ставил их на зеленый газон. Самому сообразительному из них понадобилось всего двадцать восемь секунд, чтобы начать соображать, как он переместился из одного места в другое. Он смог бы распутать эту головоломку, будь у него достаточно времени.

Возле пустого поезда на газоне стояло двадцать три неспешита. Их рост не превышал ста двадцати сантиметров, а вес - двадцати пяти килограммов Планеты Вечности. Все были хорошо одеты, но без различий

пола в одежде. Детей среди них, предположительно, не было - ни одной уменьшенной копии. Ни у кого не нашли ничего, хотя бы отдаленно напоминавшее оружие.

Оглядев их, Лейф признал, что, как бы заторможены они не были, все пребывали в здравом уме и на вид вполне здоровы. Их лица с незнакомыми для землян чертами несли на себе печать разума довольно высокого порядка. На это указывали механизмы, которые они изготавливали и использовали, как, например, этот поезд, но прекрасным доказательством этому служили их лица.

Он заключил, что Великий Совет имел достаточно причин для беспокойства, если, конечно, не обращать внимания на то, кто являлся его членами. Если все эти существа, замершие перед ним, были истинными представителями планеты, тогда она абсолютно безобидна. Они не представляли решительно никакой опасности интересам землян в космосе. Однако, в то же время, в них таилась какая-то большая угроза, о которой ему не хотелось даже и думать.

Разложив на земле свои всеохватывающие таблицы, трое специалистов по контакту приготовились объяснять, откуда они, их уровень развития и цели с помощью эффективной методики символов и жестов, разработанной для первого контакта. Неугомонный Пэскью опять ускорил работу, расположив неспешитов вокруг таблиц, поднимая каждого из этих спавших летаргическим сном манекенов и перенося их в определенное место.

Лейф и Уолтерсон решили осмотреть поезд. Если бы кто-нибудь из неспешитов и стал возражать против подобного осмотра, у них просто не хватило бы времени, чтобы хоть как-то этому помешать.

Крыши вагонов были сделаны из бледно-желтого прозрачного пластика, доходившего до верхнего края дверей. Под пластиком находилось бесчисленное количество расположенных в строгом порядке кремниевых шариков. Внутри вагонов, под металлическими пластинами центрального прохода, выстроились маленькие цилиндры, очень напоминавшие электрические элементы из никелевого сплава. Двигатели были спрятаны в каждом вагоне под крохотными кабинами машиниста.

- Солнечная энергия, - сделал вывод Лейф. - Основная энергия движения вырабатывается этими солнечными батареями, установленными на крыше.

Он прошелся по вагону, измеряя шагами его длину и что-то прикидывая в уме.

- На каждую батарею приходится одна целая две десятых на шесть квадратных метров. Включая боковые проходы, площадь вагона равна двенадцати квадратным метрам.

- Ничего удивительного, - высказал свое мнение Уолтерсон, на которого эта информация не произвела никакого впечатления. - На Земле в зонах с тропическим климатом солнечные батареи используются с большей отдачей, а похожие есть на Драмойии и Уэрсте.

- Да, но ночь здесь длится шесть месяцев. Вы знаете аккумуляторы, которые не истощаются за это время? Вопрос: как же они приспособились на ночной стороне? Или весь их транспорт останавливается, когда они храпят?

- Об их ночных привычках лучше спросить у Пэскью. По-моему, это вполне подходит для них, я имею в виду их сон, - шесть месяцев для них не больше, чем для нас одна ночь. В любом случае, зачем нам строить догадки? Рано или поздно мы же исследуем и ночную сторону?

- Да, конечно. Но хотелось бы знать, опережают ли эти штуки в каком-то аспекте те, что есть у нас?

- Чтобы изучить их детальнее, нам нужно разобрать их по винтикам, - возразил Уолтерсон. - Участие в этой работе Шэллома и его парней может паршиво сказаться на наших отношениях с неспешитами. Даже если те не смогут помешать нам, все равно им это не понравится.

- Я себе не враг, - с упреком заметил Лейф. - Помимо прочего, за такое повреждение собственности, принадлежащей невраждебным нам инопланетянам, меня могут отдать под трибунал. Зачем мне самому искать

неприятности там, где информацию можно получить прямо от них в обмен на какие-то другие сведения? Слышали ли вы когда-нибудь о разумной форме жизни, которая отказалась бы от обмена информацией?

- Нет, - ответил Уолтерсон. - Но я никогда не слышал и о такой, которая на работу, занимающую пять минут, тратит пять лет. - Он самодовольно ухмыльнулся и добавил: - Нам становится известно то, что узнал и Бойделл, а именно - надо дать, чтобы получить, а чтобы получить, нужно не спешить.

- Не буду с вами спорить, у меня такое чувство, что вы черт возьми, правы, - Лейф дал понять, что вопрос исчерпан. - В любом случае, это забота Совета. Возвращаемся на корабль. До доклада наших специалистов по контакту большего мы здесь не узнаем.

Они стали взбираться на утес. Увидев, что они уходят, Пэскью поспешил за ними, оставив трио контактеров играть со своими картинками и изображать руками змейки.

- Ну как дела? - осведомился Лейф, как только они поднялись на корабль.

- Не очень, - ответил Пэскью. - Это надо испытать самому. Так недолго и спятить.

- А в чем дело?

- Как можно сравнивать две величины, если одна из них неизвестна? Как можно попасть в такт на длительной, почти бесконечной паузе? Каждый раз, когда Хоффнэгл демонстрирует символы орбит, он доказывает принцип фокусника:

"Скорость рук имеет решающее значение в обмане", - и аудиторию охватывает интерес. Он повторяет свои манипуляции медленнее - и они снова остаются в дураках. Тогда он проделывает все с еще меньшей скоростью. - Пэскью пренебрежительно хмыкнул. - Чтобы найти, опробовать и закрепить самые подходящие для понимания жесты, этой бедной троице понадобится целый день, а может, и большая часть недели. Они никого ничему не учат - они учатся сами. Это, в полном смысле слова, уроки времени и движения.

- Без этого не обойтись, - заметил Лейф, - даже если на это уйдет вся жизнь.

- Чья жизнь? - уточнил Пэскью.

Лейф поморщился, подыскивая более подходящий ответ, но так ничего и не сказал.

У выхода из переходного отсека их встретил Гарсайд - энергичный, невысокого роста человек с казавшимися огромными за толстыми линзами очков глазами. Самой большой его страстью были насекомые - всевозможных размеров, форм, цвета, происхождения, лишь бы это были насекомые.

- А, командор! - восторженно воскликнул он, просто захлебываясь от переполнявшей его радости. - Самое замечательное, самое удивительное открытие! Девять особей насекомого мира, ничего потрясающего в строении, но все поразительно медлительны. Если этот феномен является общим для всех насекомых планеты, то можно будет говорить, что присущий им обмен веществ...

- Запишите это, чтобы не забыть, - посоветовал Лейф, похлопав его по плечу. Он спешил в рубку связи.

- Есть что-нибудь новое от Огилви?

- Нет, командор. Все его доклады повторяют первые сообщения. Сейчас он уже более чем на полпути назад, появится примерно через час.

- Как только он вернется, сразу же направьте его ко мне.

- Будет исполнено, сэр.

Огилви явился в указанное время. Это был долговязый пилот с худым лицом и неприятной манерой ехидно улыбаться. Войдя в командирскую рубку, он остановился, заложил руки за спину, склонил голову и с притворной застенчивостью произнес:

- Командор, я должен сделать признание.

- По вам это в самом деле видно. И в чем же оно состоит?

- Я совершил посадку, не имея на то разрешения, прямо на центральной площади самого большого города, который смог найти.

Лейф вопросительно поднял брови:

- И что произошло?

- Они собрались вокруг и уставились на меня.

- Это все?

- Сэр, двадцать минут понадобилось им только для того, чтобы заметить меня; за это время те, что находились дальше других, еще шли ко мне. Я не мог больше ждать, чтобы узнать, что они будут делать потом. Я подсчитал, что если бы они пошли за веревкой и стали привязывать вертолет за шасси, то закончили бы эту работу не раньше следующего Рождества.

- Хм! И что, повсюду картина одинаковая?

- Так точно, сэр. Я облетел более двухсот городов и поселков, расположенных на территории в девятнадцать на восемьдесят квадратных километров. Везде то же самое, - он подарил одну из своих характерных улыбок - Есть пара вещей, которые должны вас заинтересовать.

- А именно?

- Неспешиты объясняются между собой при помощи рта, но воспроизводят звуки, не поддающиеся обнаружению. На вертолете установлен ультразвуковой локатор "Летучая мышь", который используется для слепого полета. Я проверил весь его диапазон, когда был в этой толпе, но не уловил ни единого писка. Значит, они разговаривают на очень низких частотах. Но я все-таки не пойму, как они общаются. Дело, наверняка, в чем-то другом.

- Я тоже имел одну одностороннюю беседу с ними, - поделился с ним Лейф. - Может быть, мы упускаем явное, пока ищем тайное.

- Что вы под этим подразумеваете, сэр?

- Не обязательно, чтобы они обладали какими-то уникальными способностями, о которых мы не имеем представления. Вполне возможно, что они общаются зрительно. Уставятся друг другу в глотки и изучают свои шевелящиеся щупальца. Что-то вроде того, как врач любит ваши гланды, - взмахом руки Лейф показал, что обсуждение этого вопроса прекращено. - Какова ваша вторая "вещь"?

- Здесь нет птиц, - ответил Огилви. - Можно было бы предположить, что там, где есть насекомые, там будут и птицы или что-то наподобие птиц. Единственное державшееся в воздухе существо, которое мне встретилось, было похоже на перепончатокрылую ящерицу, которая при помощи крыльев еле-еле смогла оторваться от земли, а потом планировала, куда ей надо. На Земле она не поймала бы и сонной мухи.

- Вы засняли ее на пленку?

- Нет, сэр. Я уже использовал всю катушку и не хотел стирать сторону.

- Хорошо.

Лейф подождал, пока Огилви выйдет, и связался с Шэлломом:

- Если пленки с вертолета окажутся достаточно четкими для дальней передачи, сделайте с них дополнительную копию для связистов. Пусть отправят их в Девятый Сектор для дальнейшей переброски на Землю.

Не успел он положить трубку, как вошел Ромеро. По его виду можно было заключить, что он в полном отчаянии.

- Командор, вы не могли бы достать инструменты, чтобы соорудить фенакистоскоп с встроенным счетчиком оборотов?

- Мы можем все, решительно все, - вмешался в разговор стоявший возле иллюминатора Пэскью. - Для этого у нас есть целые века времени.

Пропустив его замечание мимо ушей, Лейф поинтересовался:

- А для чего он вам?

- Хоффнэгл и Нолан считают, что с его помощью мы смогли бы измерить точный стробоскопический регистр этих увальней. Если нам удастся установить, на какой минимальной скорости они начнут видеть движение картинок, то это будет нам хорошим подспорьем.

- А кинопроектор корабля для этого не подойдет?

- У него недостаточный диапазон, - пояснил Ромеро. - Кроме того, мы не можем использовать его вне нашей внутренней системы питания. Фенакистоскоп должен быть переносным и приводиться в действие вручную.

- С каждой минутой это становится более увлекательным, - вставил Пэскью. - По крайней мере, не так скучно. Объясните поподробнее, тогда и я начну понимать, что это за чертова штука.

Не обращая на него никакого внимания, Лейф снова позвонил Шэллому и ввел в курс дела.

- Святой Моисей! - обрадовался Шэллом. - У нас найдется то, о чем вы просите! И кто это придумал? - После некоторой паузы он уточнил: - Нам нужно два дня.

- Два дня, - повторил Лейф для Ромеро.

Тот в ужасе посмотрел на него.

- Что за спешка? - не выдержал Пэскью. - Вы не можете обождать два дня, чтобы начать измерение запаздывания оптической реакции? Да это невиданно быстро для этого мира. Вы же на Планете Вечности. Привыкайте!

Лейф пристально взглянул на Пэскью и сказал:

- Вам не кажется, что вы стали слишком придиричивы за последние пару часов?

- Нет. У меня осталось еще несколько капель терпения на дне. Когда испарится последняя из них, можете запереть меня на гауптвахту, потому что тогда я тронусь.

- Успокойтесь. Скоро мы что-нибудь придумаем.

- Ха-ха! - непочтительно бросил Пэскью.

- Мы подготовим наш разведывательный вездеход и отправимся в город, посмотрим на них в их среде.

- Не забыть бы о времени, - одобительно добавил Пэскью.

Бронированный восьмиместный вездеход громыхал тяжелыми гусеницами по трапу. Только два особых брандспойта, - по одному в передней и задней его частях, - указывали на наличие на нем оборонительных "фыркающих" пушек, управляемых с пульта вездехода. Металлический прут на крыше этой будки представлял собой радиоантенну. Они могли воспользоваться и вертолетом, вмещающим четырех человек со снаряжением, но для экскурсий по улицам от него было бы мало проку.

На переднем сиденье вместе с Лейфом располагались лейтенант Хардинг и дежурный водитель. За ними разместились двое из команды Хардинга, а также Пэскью. Заднее сиденье поделили между собой радист и стрелок. Уолтерсон, Гарсайд и остальные специалисты остались на корабле.

Они прокатились мимо неспешитов, сидевших сейчас на земле, скрестив ноги, и уставившихся в таблицу, которую с абсолютно безразличным видом демонстрировал им Нолан. Поблизости, соображая, какой материал урока усваивался, а какой нет, грыз ногти Хоффнэгл. Никто из этой группы не показал ни малейшего удивления, когда вездеход спустился по крутому утесу и прогрохотал мимо них.

Вздрогнув, он с натугой пересек железнодорожное полотно позади поезда и добрался до дороги. Она была безукоризненно гладкой и могла бы поспорить со скоростными трассами на Земле. Не проехав и восьми километров, они встретили одного неспешита - именно таким они себе его и представляли.

Он полусидел - полулежал в длинном, узком и приземистом одноместном автомобиле, выглядевшем очень солидно. В самом водителе было что-то маниакальное - отрешенное лицо, напряженный взгляд, крепко вцепившиеся в руль руки. По показаниям фотоэлемента на приборной доске вездехода он проревел мимо них со скоростью восемьдесят три и шесть десятых километра в час. Их спидометр показывал ровно восемьдесят километров в час. Значит, он мчался с захватывающей дух скоростью три и шесть десятых километра в час.

Первым заговорил Пэскью. Вывернув голову назад и глядя вслед

автомобилисту, он сказал:

- Как социолог я авторитетно заявляю, что некоторые из этих созданий слишком уж опрометчивы. Если этот ненормальный едет сейчас в город, находящийся примерно в сорока километрах отсюда, то он доберется туда, по крайней мере, через двенадцать часов. - Лицо его нахмурилось, он посерьезнел и добавил: - Сопоставляя их реакцию с их скоростями, а они стоят друг друга, я не удивлюсь, если у них существуют те же транспортные проблемы, что и в любом другом мире.

Никто не воспользовался случаем вступить с ним в полемику. Все восемь пассажиров вездехода снова погрузились в состояние оцепенения. Они уже въехали в пригород, полный пешеходов, машин и трамваев, наводнивших улицы. Теперь они то и делали, что объезжали их. Для этого водителю пришлось осваивать новую технику вождения, что было не таким уж легким делом.

По улицам тащились существа с малиновыми лицами и в тех же бесполом наряде. Можно было подумать, что после каждого шага они засыпают. Некоторые двигались быстрее остальных, но даже самые проворные из них превращались для вездехода в препятствие, которое следовало огибать. Никому из них не захотелось посмотреть на странную машину, пока она катилась мимо, но многие в недоумении останавливались, когда она находилась уже на расстоянии одного-двух километров.

Для Лейфа и его товарищей было большим соблазном принять их медлительность за умственную отсталость. Но они сдерживали себя перед таким искушением - очевидность обратного была слишком велика, чтобы ее игнорировать.

Они ехали по ровным, прямым, правильно спроектированным улицам с тротуарами и водостоками. Дома не поднимались выше двадцати метров, но имели прочный вид и были далеки от примитивных сооружений. Автомобилей по земным стандартам было немного, но все они представляли собой результат значительного инженерного искусства. Небольшие, еле передвигавшиеся трамваи на солнечных батареях вмещали по двадцать четыре пассажира.

На несколько минут они остановились возле строящегося здания, чтобы понаблюдать за рабочим, укладывающим кирпич. Эта работа заняла у него двадцать минут. Три кирпича в час.

Лейф сделал некоторые подсчеты:

- Исходя из того, что их день и ночь длятся по шесть месяцев, и предполагая, что в их измерении они эквивалентны восьмичасовому дню, этот парень укладывает немного больше тысячи кирпичей в час, - он поджал губы и тихо присвистнул. - Я не знаю ни одной формы жизни, которая бы делала это со скоростью пусть даже в два раза меньшей. Даже на Земле робот не может работать быстрее.

Все приняли молча этот новый аспект проблемы. Разведывательный вездеход двинулся дальше. Теперь перед ними была общественная автостоянка, на которой находилось около сорока машин. Они не могли побороть непреодолимое желание припарковаться. Проехав мимо двух служителей, они аккуратно поставили вездеход в конце одного ряда. Зрочки служителей начали двигаться в их направлении.

Обращаясь к водителю, радисту и стрелку, Лейф приказал:

- Вы, трое, оставайтесь здесь. Если кто-нибудь будет вам мешать, отвезите его на километр отсюда, и пусть он пробует опять добежать до вас. А если заметите признаки того, что они все вместе собираются достать вас до самых печенок, переезжайте в другой конец стоянки. Когда они доберутся и туда, возвращайтесь снова назад.

- Куда вы решили идти? - задал вопрос Хардинг.

- Вон туда, - Лейф указал в направлении здания, имевшего некоторый официальный вид. - Для экономии времени я хотел бы, чтобы вы, ваши люди и Пэксью осмотрели другие сооружения. Выберите какое-нибудь, войдите, поглядите, способны ли они вообще на что-нибудь стоящее.

Он посмотрел на часы:

- Чтобы ровно в три все были здесь. Не тратьте время попусту. Опоздавшему придется шагать четырнадцать километров пешком.

Выйдя из кабины, в двадцати метрах от себя он увидел служащего стоянки, двигавшегося к нему и удивленно глядевшего на него своими большими совиными глазами. Лейф подошел прямо к нему. Не встретив никакого сопротивления, он взял из его рук пачку билетов, оторвал один, опять вложил их в малиновые пальцы, присовокупив в качестве платы серебряную пуговицу, и двинулся дальше. Сделав этот красивый жест, Лейф пришел в приятное расположение духа. Когда он пересек площадь и вошел в здание, получатель его дара уже должен был начать рассматривать пуговицу.

В три они вернулись. На площади царил полный хаос, но вездехода нигде не было. Серия коротких завываний сирены привела их в боковую улицу, где на обочине стояла пропаша.

- Хотя они и очень медлительны, но им удастся располагаться так, что их не объедешь, - начал оправдываться водитель.

- Они стали сползаться вокруг нас в таком количестве, что нам показалось, будто они зажали нас навсегда. Мы не смогли бы выбраться оттуда: не задавив, по крайней мере, полсотни из них. Я рванул, пока еще оставался небольшой проход. - Он ткнул пальцем в ветровое стекло. - А сейчас они проделывают то же самое здесь. Черепаха, которая гонится за зайцем.

Один из людей Хардинга, посевший ветеран нескольких космических кампаний, заметил:

- Легче справиться с воинственными гарпиями, которые бешено сопротивляются. Тогда вы просто стреляете и прокладываете себе дорогу. - Он несколько раз кашлянул, прочистив горло. - Здесь, если ты сидишь слишком долго на одном месте, то должен будешь либо хладнокровно переехать их, либо позволить им поймать себя в ловушку. Ничего не могу тут придумать, - он прокашлялся еще раз. - Проклятая планета. Того парня, что ее открыл, нужно заставить здесь поселиться.

- Обнаружили что-нибудь в вашем здании? - спросил его Лейф.

- Да, десяток "фараонов".

- Кого?

- Десяток "фараонов", - повторил тот. - Это полицейский участок. Я уверен в этом, потому что все они были одеты в одну униформу, и у каждого дюралевая дубинка. А на стенах висели портреты с замысловатыми надписями под ними. Я не мог бы отличить одно лицо от другого. По мне, все они одинаковые. Но что-то говорит мне, что эти рожи прилеплены на стену не для того, чтобы все видели эту святость.

- Они проявили какую-то враждебность в отношении вас?

- Этой возможностью они не воспользовались, - ответил он с откровенным презрением. - Я ходил, смотрел вокруг, это-то и сбивало их с толку. Если бы кто-то из этих неповоротливых простофиль и протянул ко мне руки, я бы мог подойти к нему с другой стороны и стащить с него штанишки в два раза быстрее, чем он дотянулся бы до меня.

- Мне попало здание - просто клад, - сообщил Пэскью. - Телефонная станция.

Лейф круто повернулся и, глядя на него в упор, спросил:

- Значит, они все-таки говорят на высоких частотах?

- Нет. Они используют сканеры и восьмисантиметровые экраны. Мне приходилось смотреть сразу в двадцать кишасих червяками глоток. Более того, говорящий иногда закрывает рот, пряча свои щупальца от экрана и заменяя их шевеление чем-то вроде замедленного языка жестов глухонемых. Мне кажется, что это выворачивание пальцев представляет собой отборную брань.

Разговор прервал нервничающий водитель:

- Если мы простоим здесь еще немного, то дорога будет заблокирована с обеих сторон.

- Тогда поехали отсюда, пока еще есть время.
- Возвращаемся на корабль, сэр?
- Еще нет. Прокатимся немного, может, сможем отыскать промышленную зону.

Вездеход устремился вперед, осторожно миновал надвигавшихся на него пешеходов и, не рискуя ехать по заполненной народом площади, покатился по другой отходившей от нее улице.

Пэскью откинулся назад поудобнее, сложил руки на животе и поинтересовался:

- Я полагаю, никому из вас не случалось оказаться на пожарной станции? Ему никто не ответил.

- Вот на что мне бы жутко хотелось посмотреть, - сказал он. - Пара насосов и команда с лестницами, летящая на борьбу с пожаром в километре от них. Скорость горения в этом мире отнюдь не меньше, чем в нашем. Я удивляюсь, что город не сгорел десять раз дотла.

- Может, и горел, - вступил в беседу Хардинг. - Возможно, что для них это обычное дело. За долгое время привыкаешь к чему угодно.

- За долгое время, - согласился Пэскью. - Здесь оно достаточно долгое, чтобы исчезнуть во мгле вечности. Именно - долгое время.

Он перевел взгляд на Лейфа:

- А вы куда ходили?

- В публичную библиотеку.

- Это именно то место, где можно добыть кучу информации. И как много вам удалось раскопать?

- Только одно, - неохотно признался Лейф. - На письме они пользуются идеограммами, которых насчитывается, по меньшей мере, три тысячи.

- Это нам очень пригодится, - произнес Пэскью, закатив глаза к небу. - Любой опытный лингвист или обученный специалист по контакту наверняка способен постичь его. Поручите это Хоффнэглу. Он самый молодой среди нас. Единственное, на это ему понадобится тысяча лет.

Радио издало звук, похожий на отрыжку, и замигало своим красным глазком. Радист настроился на волну. В динамике раздался голос Шэллома:

- Командор, к нам только что прибыл важного вида субъект на автомобиле, который он, похоже, считает гоночным. Может, это какая-то "шишка", посланная к нам для установления контакта. Это всего лишь догадка, но мы пытаемся ее проверить. Я подумал, что вы хотели бы быть в курсе.

- Как ваши успехи с ним?

- Не лучше, чем с остальными. Возможно, он самый сообразительный малый в колледже. Тем не менее Нолан считает, что надо потратить больше месяца, чтобы убедить его в том, что у бабушки жил-был серенький козлик.

- Ладно, продолжайте работать с ним. Мы скоро возвращаемся.

Приемник замолчал, и Лейф, обращаясь к остальным, добавил:

- Кажется, это тот "лихач", которого мы встретили по дороге сюда. - Он слегка подтолкнул локтем водителя, показывая налево. - Похоже на какой-то крупный завод. Подождите меня где-то здесь, пока я посмотрю, что там.

Он беспрепятственно зашел внутрь и через несколько минут вышел.

- Это мукомольно-перерабатывающий комбинат. Они дробят целые горы орехов, наверное, из окрестных лесов. В подвале установлены две большие машины, никогда таких не видел. Думаю захватить сюда Бентли и хорошенько изучить их. Он специалист по энергетике.

- Слишком много места для такой мельницы, - осмелился сделать замечание Хардинг.

- Эта мука идет на изготовление около двадцати различных видов продукции. Кое-что я попробовал.

- И на что это похоже?

- Клейстер, которым пользуются для расклейки афиш. Он снова подтолкнул водителя локтем:

- Вон там еще одна фабрика, - и уже обращаясь к Хардингу: - Вы пойдете со мной. Через пять минут они вернулись:
- Ботинки, сапоги и тапочки. И делают они их быстро.
- Быстро? - переспросил Пэскью, и его брови поползли вверх.
- Быстрее, чем они могут самостоятельно контролировать этот процесс. Все оборудование полностью автоматизировано, когда случается какая-нибудь неполадка, оно выключается. Не такое совершенное, как на Земле, но не намного и отстают.

Лейф закусил губу и, глядя в окно, о чем-то задумался.

- Я возвращаюсь на корабль. А вы, ребята, если хотите, можете попробовать разведать что-нибудь еще.

Это предложение особого энтузиазма у присутствовавших не вызвало.

На столе его ожидало уже расшифрованное и отпечатанное сообщение.

["Командир "Пламени" командиру "Громовержца". По результатам анализов атмосфера Идио пригодна для дыхания. Так утверждают приборы. Но запах имеет абсолютно невыносимый. Планету следовало бы назвать Тошнотина. Если мы вам не нужны, отправляемся в Порт Арлингтона. 88.137. Мэллори."]

Заглядывая через плечо Лейфа, Пэскью прочитал его тоже и критически заметил:

- У этого Бойделла просто мания подбирать всякую гадость прямо с неба. И почему его никто не придушит?

- Здесь им описана четыреста двадцать одна планета, - напомнил Лейф, постукивая по большому звездному атласу. - И для двух третей из них подходит определение "гадость".

- Многих бед можно было бы избежать, если бы разведчики пропускали такие планеты и сообщали только о тех мусорных ямах, которые достойны того, чтобы быть нашей собственностью.

- Потери - это плата за прогресс, как вам известно. Лейф поспешно встал из-за стола и подошел к иллюминатору. Снаружи раздавалось какое-то жужжание. Он снял трубку переговорного устройства:

- Куда полетел вертолет?

- На борту Гарсайд и Уолтерсон, - прозвучал голос в трубке. - Первый хочет наловить побольше козьяков, а второго интересуют образцы горных пород.

- Хорошо. Фильм уже обработан?

- Да, командор. Получился хороший и четкий. Если хотите, я отнесу его в проекционную.

- И, пожалуйста, побыстрее. Я прямо сейчас иду туда. Поручите кому-нибудь заняться пленкой из разведывательного вездехода. Мы отсняли около половины катушки.

- Вас понял, сэр.

Для просмотра фильма, сделанного Огилви, Лейф собрал всех присутствовавших в тот момент на корабле специалистов, которых набралось более шестидесяти. Когда просмотр закончился, все угрюмо молчали. Никаких комментариев. Все было понятно и так.

- Хорошо же мы вляпались, - нашел, наконец, что сказать Пэскью, когда они вернулись в командирскую рубку. - За последние тысячу лет человеческая раса стала полностью технологизированной. Даже самые простые наши космические корабли в значительной степени являются автоматами, особенно, если судить по более ранним стандартам.

- Да, конечно, - Лейф хмуро изучал стену.

- Мы представляем собой мозг, - вел дальше Пэскью, решив подсыпать соли на больное место. - И то, что мы представляем собой мозг, вызывает у нас естественную антипатию к работе мышцами. Мы стоим перед выбором: без всяких сложностей таскать бревно или ситом черпать воду.

- Говорите яснее.

Желая все-таки пояснить свою мысль, Пэскью продолжил:

- Мы держим своих поселенцев на тысячах планет. И что же это за поселенцы? Хозяева, надсмотрщики, парни, которые учат, советуют, показывают и указывают, в то время как менее развитые работают руками.

Лейф не обмолвился ни единым замечанием.

- Допустим, Уолтерсон и остальные обнаружат, что этот паршивый мир богат необходимыми нам ресурсами, - не отступал от своего Пэскью. - Неужели мы сами опустимся в карьер и начнем их разработку? Неспешиты - подходящая и, возможно, старательная рабочая сила. Но какая от них польза, если самые элементарные действия занимают у них десять, двадцать или даже пятьдесят лет? Кто готов сидеть здесь в роли выючного животного, потому что это единственный путь решить все проблемы одним махом?

- Огилви видел большую плотину и сооружение, похожее на гидроэлектростанцию, - задумчиво проговорил Лейф. - На Земле ее строительство заняло бы максимум два года. Сколько времени требуется для этого здесь, можно только гадать. Может, двести лет. А может, и четыреста, - он нервно забарабанил пальцами по столу. - Меня это очень беспокоит.

- Это не беспокойство, а досада. Это разные вещи.

- Я же сказал вам, что обеспокоен. Эта планета напоминает мне горящий бикфордов шнур, который мы длительное время не замечали, а теперь вдруг увидели. Я не знаю, куда он ведет и какой силы потрясение нас ожидает.

- Это досада, - настаивал Пэскью, все еще не желая вникать в смысл сказанного Лейфом. - Нам помешали осуществить наши планы, и нам это не нравится. Мы - несокрушимая сила и рано или поздно, но, к концу концов, добиваемся, чего хотим. Мы вполне можем контролировать этот зажженный шнур. Никогда эта форма жизни не подарит нам настоящего, большого потрясения. Они слишком медлительны, чтобы иметь возможность совершить это.

- Я не это хотел сказать. Меня беспокоит само их существование.

- Заторможенных лентяев хватало и раньше, даже на Земле.

- Именно! - воскликнул, соглашаясь, Лейф. - И именно поэтому у меня уже сейчас начинают трястись поджилки.

Динамик прервал его вежливым покашливанием, а затем сообщил:

- Докладывает Огилви, сэр. Я сейчас на высоте четыре тысячи девятьсот метров, хоть и далеко, но вас вижу. Что-то мне все это не нравится.

- А в чем дело?

- Город обезлюдняется. То же и в ближних поселках. Они в огромном количестве стекаются к дороге и начинают двигаться в вашем направлении. Передние могут достичь вас примерно через три часа. - Короткая пауза. - Ничто не указывает на враждебные намерения, никаких признаков организованного выступления. Просто побуждаемая любопытством толпа, насколько я могу судить. Но если это сборище столпится вокруг корабля, глаза на вас, вы не сможете взлететь, чтобы не спалить их тысячами.

Лейф погрузился в размышления. Корабль имеет в длину полтора километра. Его подъем сопровождается двумя почти километровыми огненными смерчами со стороны каждого борта и еще одним сзади. Для безопасного взлета ему необходимо около четырех с половиной квадратных километров.

На борту "Громовержца" - тысяча сто человек. Шестьсот из них должны обеспечивать подъем. Оставшимся пятистам придется сдерживать толпу по периметру этой площадки. Потом их нужно будет по несколько человек перевозить вертолетом к новому месту посадки. Возможно ли это? Возможно, но очевидно, что глупо.

- Мы взлетим сделаем посадку в двухстах километрах отсюда, - передал он Огилви. - Это задержит их на пару дней.

- Мне возвращаться, сэр?

- Решайте сами.

- Пассажиры недовольны, они хотят еще пополнить свои коллекции. Я остаюсь. Если потеряю вас из виду, найду по маяку.

- Ладно.

Лейф повернулся к микрофону внутреннего оповещения:

- Включить сирену. Проверить наличие всех членов экипажа на борту.

Приготовиться к подъему.

- Правило Седьмое, - усмехнулся Пэскью. - Любое действие, причиняющее неоправданный ущерб невраждебной форме жизни, признается самым большим нарушением Кодекса Контакта. - Он иронично развел руками. - Итак, они ползут к нам, как огромная армия ленивцев, а мы должны бежать, поджав хвост.

- Вы придумали что-то лучше? - раздраженно спросил Лейф.

- Нет, ничего. Что за черт!

Завыла сирена. Вскоре "Громовержец" стало слабо трясти, что указывало на то, что камеры сгорания и стартовый ускоритель находятся уже в разогретом состоянии. Внезапно в рубку с диким выражением лица влетел Хоффнэгл. В одной руке он сжимал скрученные в рулон таблицы для контакта.

- Это, наверное, шутка? - заорал он, размахивая таблицами и даже забыв добавить "сэр". - Мы успешно проработали здесь две вахты, потратив на эти беседы все свободное от дежурства время, и один из них уже только что закончил рисовать орбиту. Теперь вы отзываете нас.

Он ожидал ответ, весь кипит от негодования.

- Мы меняем место.

- Меняем место? - Он посмотрел так, как будто никогда не слышал о подобных вещах. - На какое?

- В двухстах километрах отсюда. Хоффнэгл недоверчиво уставился на Лейфа, громко глотнул, открыл рот, затем закрыл его и снова открыл.

- Но это значит, что нам нужно будет начинать все сначала и уже с другой группой?

- Боюсь, что так, - согласился Лейф. - Те, с кем вы пробовали говорить, могли бы лететь с нами, но попытка заставить их понять, что от них требуется, займет слишком много времени. Ничего не остается, как все повторить заново.

- Нет! - завопил Хоффнэгл, совершенно обезумев. - Нет! Все, что хотите, но не это!

За его спиной неожиданно возник Ромеро.

- Что не "это"? - Он тяжело дышал и выглядел, как загнанная скаковая лошадь.

Пытаясь рассказать ему недобрую весть, Хоффнэгл, казалось, забыл все слова; все, что ему удалось сделать, было несколькими невразумительными жестами.

- Специалист по контакту, не способный установить контакт с другим специалистом по контакту, - заявил Пэскью, продемонстрировав научный подход к происходящему.

- Они меняют место, - с большим усилием выдавил из себя Хоффнэгл.

Получилось очень испуганно.

Испустив отчаянное "Что?!", Ромеро побагровел в два раза сильнее, чем неспешиты. Несколько секунд он действительно выглядел одним из них, стоя окаменевший, с остановившимся взглядом.

- А ну, давайте отсюда! - взорвался Лейф. - Давайте, давайте! Пока сюда не явился Нолан. С меня уже хватило вас двоих. Идите куда-нибудь, где сможете немного остыть. И запомните, не вы одни попали в такое положение.

- Да, не мы одни, - обозленно проронил Хоффнэгл. - Но только мы несем такое бремя ответственности за...

- Все несут бремя ответственности, кто за что, - резко оборвал его Лейф. - И всех они утомили предостаточно. Убирайтесь отсюда, пока я окончательно не вышел из себя и не вызвал для вас конвой.

Они удалились с нескрываемым пренебрежением. Лейф сел за стол и

покусывая нижнюю губу, занялся своими бумагами. Прошло двадцать минут. Он посмотрел на хронометр на стене, включил переговорное устройство и, обращаясь к Бентли, спросил:

- Почему до сих пор не взлетаем?

- Нет сигнала с поста контроля, сэр. Он перезвонил на пост контроля:

- Чего вы ждете?

- Та группа из поезда все еще околачивается в пределах реактивного следа, командор. Или им никто не говорил отойти, или же, если и сказали, они еще не успели сообразить.

Лейф редко неприлично ругался, но сейчас крепкого словца не сдержал. Он позвонил в третий раз, вызывая Хардинга:

- Лейтенант, быстро пошлите два взвода ваших людей наружу. Посадите всех этих инопланетян опять в поезд. Позаталкивайте их внутрь и как можно быстрее возвращайтесь.

Он снова занялся документами. Пэскью сидел в углу рубки, грызя ногти и улыбаясь сам себе. По прошествии получаса Лейф опять хлестко выругался и включил переговорное устройство:

- Ну, в чем там дело?

- Все еще нет сигнала, командор, - покорно ответил Бентли.

Звонок на пост контроля:

- Я отдал приказ после очистки территории немедленно взлетать.

Почему он не выполнен?

- Один инопланетянин все еще находится в зоне поражения, сэр.

Следующий звонок Хардингу:

- Разве я не говорил вам порассаживать инопланетян в поезд?

- Так точно, сэр, говорили. Все пассажиры возвращены на свои места пятнадцать минут назад.

- Не городи ерунды! Твои люди оставили одного, и теперь он болтается вокруг и задерживает корабль.

- Этот не из поезда, сэр, - спокойно возразил Хардинг. - Он приехал на машине. Относительно него вы никаких распоряжений не давали.

Лейф двумя руками сгреб все, что лежало на его столе, после чего раздался его рев:

- Уберите его отсюда к черту! Посадите его в его приспособление и спихните по дороге. Немедленно!

Он откинулся на своем кресле, что-то бормоча себе под нос.

- Как вам нравится идея подать в отставку и купить себе ферму? - поинтересовался Пэскью.

Новое место посадки было выбрано на гребне единственного на километры вокруг лысого холма. Обгоревшие пни на нем служили напоминанием о лесном пожаре, который, начавшись на вершине, распространился вниз по склонам, пока, возможно, не был затушен сильным дождем.

Поросшие густым лесом холмы простирались отсюда во всех направлениях. Железной дороги поблизости не было, но внизу через долину проходило шоссе, за которым змеилась небольшая река. На расстоянии шести километров виднелись два поселка, а также средней величины город в восемнадцати километрах к северу.

Некоторый опыт пребывания на планете значительно ускорил разведку. Орншоу, дежурный пилот, поднял в воздух свой вертолет, взяв на борт Уолтерсона и еще четырех специалистов, превысив тем самым допустимую норму грузоподъемности. Разведывательный вездеход поехал в город, приняв в себя целое войско исследователей, включая Пэскью. Три ботаника и один лесовод отправились в лес, сопровождаемые десятком пехотинцев, которым также полагалось нести их трофеи.

Хоффнэгл, Ромеро и Нолан побрели к ближайшему поселку, разложили свои таблицы посреди небольшой площади и молились на сельского гения, способного постичь значение основных жестов быстрее, чем за неделю.

Группа инженеров корабля направилась изучать провода, натянутые на ажурных столбах и пересекавшие холмы в западном и южном направлениях. Специалист по гидрофауне, говоривший, что его выбор был определен с рождения прозвищем Угорь, просиживал часами на берегу реки со своими удочками, не зная, какую наживку выбрать, какова может быть его добыча и вообще, хватит ли ему целой жизни, чтобы поймать здесь хоть что-нибудь.

Во время всей этой оргии сбора данных Лейф оставался на корабле. У него было мрачное предчувствие относительно дальнейших событий. Время показало, что он не ошибся. В течение тридцати часов Орншоу дважды менялся с Огилви и теперь заступил на дежурство в третий раз. Находясь на высоте четыре тысячи пятьсот метров над "Громовержцем", он вышел на связь:

- Командор, мне очень жаль, что приходится сообщать такие новости, но они опять идут. Кажется, они стали соображать быстрее. Может, были оповещены по своим системам визюэкранных?

- За сколько, по вашему, они доберутся сюда?

- Жители поселков примерно через два часа. Толпе из города нужно часов пять-шесть. Впереди них возвращается вездеход.

- Верните на корабль, кого вы там взяли, и слетайте за этими тремя контактерами, - приказал Лейф. - Потом подберите еще какого-нибудь любителя прогулок.

- Есть, сэр.

Над долиной кошмарно застонала сирена. В поселке Хоффнэгл прервал свое замедленное жестикулирование и разразился страстной тирадой, которая изумила неспешитов двумя днями позже. В чаще лесовод свалился с дерева и придавил собой пехотинца, тоже обладавшего, как оказалось, мощным голосом.

Это походило на эффект брошенного в пруд камня. Кто-то нажал кнопку тревоги и волна последовавших за этим событий разошлась по окрестностям.

Уже порядком обозленные, они поменяли место еще раз. Этого было достаточно, чтобы, по крайней мере, изменить положение солнца, которое упрямо зависло посредине неба и переместилось за это время не более, чем на один градус земного дня.

Третья вахта, устав, как собаки, улеглась спать. Если судить по их угрюмому виду, они только и мечтали, чтобы забыться в сладких объятиях сна. Охотники за данными умили свой пыл, чувствуя, что времени катастрофически не хватает, и это на планете, где оно течет так медленно. Огилви на своем жужжащем аппарате слетал на ночную сторону, обнаружив половину этого мира впадшим в глубокую спячку. Вся жизнь там замерла, нигде не прослеживалось даже малейшего движения ни человека, ни машины.

Подобное состояние сохранялось двадцать один час, после чего обитатели окрестностей вновь отправились посмотреть на дармовое представление. Еще раз взвыла сирена, подбадривая землян обогатить свой лексикон. "Громовержец" поднялся в воздух и опустился уже на ночной стороне в шестистах километрах от ее края.

Тактика, по мнению Лейфа, вполне отвечала обстоятельствам. Бодрствующим жителям дневной стороны теперь понадобилось бы двенадцать дней, чтобы дошагать до них. И то только в том случае, если какой-то неспешит, страдающий бессонницей, успел разглядеть их и сообщил по телефону теперешнее местонахождение корабля. Такого доноса вполне хватило бы: ослепительное сияние длинных рядов иллюминаторов "Громовержца" прорезало темноту ночи и величественным заревом отражалось в небе.

Но скоро Лейф убедился, что возможность такого разоблачения была невелика. В рубку вошел Нолан, пальцы на его руках нервно подрагивали, как будто он очень-очень медленно, намного медленнее неспешитов, тянулся кого-то задушить. Это впечатление усиливалось при взгляде на его лицо неудачника. Никто на борту "Громовержца" не имел большей, чем он, схожести с распространенным типажом убийцы.

- Вы должны принять во внимание, командор, - очень сдержанно начал Нолан, - крайнюю затрудненность толковывания каких-то понятий созданиям, которые часами раздумывают над тем, что должно занимать доли секунды.

- Мне известна эта неподатливость, - посочувствовал Лейф. Он внимательно наблюдал за собеседником. - И что вы придумали?

- Я полагаю, - сообщил Нолан, постепенно повышая тон, - что существует одна вещь, которую нужно сказать в пользу ранее происшедших событий. - Его пальцы продолжали подергиваться. - В конце концов, они уже проснулись.

- Именно поэтому мы и должны были перелетать с места на место, - заметил Лейф. - Они не досаждают нам, пока спят мертвым сном в кроватках.

- Тогда, - просто вспыхнул Нолан, - как же, тысяча чертей, вы хотите, чтобы мы установили с ними контакт?!

- Я уже оставил эту затею. Если вам так хочется продолжать попытки, это ваше дело. Но никто вас не заставляет, - пройдясь взад-вперед, он говорил уже более мягко. - Я послал длинный сигнал на Землю, объяснив во всех деталях, почему мы против этого. Их ответ должен прийти через несколько дней. А пока что мы никуда отсюда не двинемся, будем собирать всю информацию, какую только сможем, а что не сможем, оставим, как есть.

Совершенно подавленный этим заявлением, Нолан произнес:

- Мы тут с Хоффом ходили вниз по дороге в дальний поселок. Они не просто спят, их нельзя разбудить. Их можно тормозить, как кукол, им все равно. После того, как мы рассказали нашим врачам об этом поголовном каталептическом ступоре, они их осмотрели.

- И что они сказали?

- Они придерживаются мнения, что неспешиты активны только под воздействием солнечного света. Когда солнце прячется, их активность исчезает вместе с ним, - в этом затруднительном для него положении он нахмурился и вдруг с надеждой предложил: - Но если бы вы согласились провести шнур энергоснабжения наружу и дали бы нам пару ламп солнечного света, мы смогли бы расшевелить их и поработать.

- Не стоит, - ответил Лейф.

- Но почему?

- Нас отзовут домой скорее, чем вы сможете добиться каких-нибудь видимых успехов.

- Но послушайте, сэр, - взмолился Нолан, делая последнее усилие. - Все остальные гребут результаты лопатой. Что-то измеряют, подсчитывают и тому подобное. У них есть клопы, орехи, фрукты, растения, деревья, кора, древесина, большие камни, маленькие, образцы грунта, фотографии - все что угодно, просто голова пухнет. Только специалисты по контакту единственные попросили отнестись благосклонно к их поражению, которое мы потерпели только из-за того, что у нас не было достаточной возможности для работы.

- Ладно, - принял вызов Лейф. - Сейчас самое время для вас троих, чтобы все точно рассчитать. Ну так скажите мне: сколько, по-вашему, должна длиться такая достаточная возможность?

Нолан совсем растерялся. Шаркнул ногами, покосился на стены, потом занялся изучением своих пальцев.

- Пять лет? - подсказал Лейф.

Тот не ответил.

- Может, десять?

Опять молчание.

- Или двадцать?

- Вы победили, - проворчал Нолан и направился к выходу. На его лице все еще было написано страстное желание оживить уснувшего.

"Вы победили", - подумал Лейф. Он чувствовал себя, будто его сначала обманули, а потом еще и показали язык. Победителями были неспешиты. Они обладали грозным оружием, которое заключалось в простом и

неотвратимом признании того, что жизнь может быть слишком коротка.

Четыре дня спустя Девятый Сектор передал послание с Земли.

["Внеземное пространство. Штаб Оборона командир боевого корабля "Громовержец". Возвращайтесь курсом 09, Штаб Сектора Четыре. Оставьте посланца, если найдется подходящий кандидат. Назначение пожизненное. Ратбуун, Командующий Оперативным Департаментом. Штаб Оборона. Земля."]

Он назначил совещание в длинном зале в самом центре корабля. Значительная часть времени была потрачена на заслушивание полученной информации, начиная с добытых Уолтерсоном сведений по радиоактивности и заканчивая замечаниями господина Угря о пресмыкающихся креветках. В завершение все единодушно пришли к трем главным выводам.

Планета Вечности намного старше Земли. Возраст ее населения сравнительно равен возрасту человеческой расы, расчеты средней продолжительности жизни неспешитов колеблются от восьмисот до тысячи двухсот лет. Несмотря на свою замедленность, неспешиты - разумная, прогрессирующая раса, достигшая уровня развития приблизительно равного тому, на котором находилось человечество за сто лет до первого полета в космос.

Острая дискуссия разгорелась по вопросу о том, способны ли неспешиты когда-либо в будущем совершить короткий полет хотя бы на ракете с автоматическим, быстро функционирующим управлением. Большинство ответило, что нет, но все согласилось с тем, что все равно никто не доживет, чтобы присутствовать при этом.

Затем слово взял Лейф.

- Мы оставим здесь одного Земного Посланца, если найдется желающий на это место.

Он оглядел присутствующих в поисках признаков интереса.

- Оставлять кого бы то ни было на этой планете бессмысленно, - возразил кто-то.

- Как большинство инопланетных рас, неспешиты не развивались по пути, идентичному нашему, - пояснил Лейф. - Мы далеко впереди них, знаем тысячи вещей, которые не знают они, включая многие, которые им никогда не постигнуть. Равным образом они разгадали некоторые секреты, которые мы пропустили. Например, у них есть машины и батареи, о которых нам хотелось бы знать больше. У них могут быть разработки, не заметные при первом, поверхностном взгляде. И это не говорит о том, что они работают над ними только теоретически. Урок, усвоенный нами в космосе, заключается в том, чтобы никогда не презирать чужую культуру. Вид, слишком крупный для изучения, скоро становится мелким.

- Ну и что из этого?

- Из этого следует, что кто-то должен взять на себя огромную работу по систематическому выдаиванию из них всего, хоть мало-мальски стоящего. Именно благодаря такому подходу мы и достигли всего того, что у нас есть, - познания о мироздании находятся везде вокруг нас, мы добываем их, а потом применяем.

- Так мы поступали раз за разом в других мирах, - согласился его оппонент. - Но это Планета Вечности, сфера, населенная зомби-существами, где часы тикают один раз в час. Ни у одного землянина, выброшенного на этот космический остров, не хватит времени, проживи он хоть сто лет.

- Вы правы, - ответил Лейф. - Поэтому пост Посланца должен передаваться по наследству. Кто бы его ни занял, ему нужно будет привезти сюда невесту, жениться, вырастить детей и на смертном одре передать этот пост им. Так может смениться шесть, а может и больше поколений. Другого выхода нет.

Лейф позволил слушателям немного переварить сказанное, прежде чем задал вопрос:

- Есть желающие?

Ответом ему была тишина.

- Вы будете здесь в полном одиночестве, за исключением случаев, когда сюда залетит случайный корабль. Но с вами постоянно будет поддерживаться связь, и за вашей спиной всегда будет сила и мощь Земли. Высказывайтесь громче! Первый вызвавшийся получает это место.

Все молчали.

Лейф посмотрел на свои часы.

- Я даю вам два часа, чтобы все обдумать. После этого нас как будто сдует отсюда. Любой претендент найдет меня в моей рубке.

В час "Ноль" "Громовержец" включил свои огнедышащие двигатели и беспрепятственно покинул Планету Вечности, так и не оставив в этом мире своего представителя. Но когда-нибудь такой здесь непременно появится. Когда-нибудь какой-то добровольный отшельник поселится здесь навечно. Среди людей Земли всегда найдется чужак или мученик.

Но время еще не пришло.

На Планету Вечности время еще не пришло.

Бледно-розовая планета, на которой располагался Штаб Четвертого Сектора, выросла уже в большой диск, когда Пэскью все-таки счел нужным обратить внимание на задумчивое состояние Лейфа.

- Уже прошло семь недель, а вы все никак не можете отключиться от этого. Можно подумать, что вам ужасно не хотелось покидать это дрянное место. Что с вами?

- Я же говорил вам. У меня дурное предчувствие. Не могу не думать о них.

- Но это же нелогично, - не выдержал Пэскью. - По общему заключению мы никогда не сможем справиться с этими еле передвигающимися ползунами. Ну и что из этого? Нам нужно оставить их в покое и забыть, вот и все.

- Мы можем оставить их в покое, как вы выразились. Но нельзя просто так о них забыть. В них есть что-то особенное, что мне не нравится.

- Объясните поточнее, - предложил Пэскью.

- Хорошо, я объясню. На Земле происходили десятки крупных войн. Некоторые были вызваны алчностью, личными амбициями, страхом, завистью, желанием спасти репутацию или скрыть абсолютную тупость. Но были и такие, которые возникали из чистого альтруизма.

Пэскью вопросительно хмыкнул.

- Причиной некоторых, - упрямо продолжал Лейф, - стал тот неприятный факт, что дорога в ад вымощена благими намерениями. Большие, стремительно развивавшиеся государства стремились тянуть за собой маленькие, с медленным темпом развития, высокомерно волоча их на привязи. Иногда последние не успевали за первыми и, возмущенные таким принуждением, открывали пальбу, защищая свое право никуда не торопиться. Понимаете, к чему я веду?

- Я понимаю, что вы читаете нам урок, но не вижу его цели, - сказал Пэскью. - Неспешиты не смогут убить и хромого пса. Кроме того, их никто никуда не гонит.

- Я говорил совершенно не об этом.

- Но тогда о чем?

- Мы на Земле никогда должным образом не представляли себе эту проблему, иначе она не становилась бы причиной стольких войн.

- И что же это за проблема?

- Проблема темпов, - ответил Лейф. - Раньше она не принимала для нас таких размеров, чтобы мы могли понять всю ее важность. Разница между быстрым и медленным всегда была слишком незначительной. - Он указал в иллюминатор на россыпи звезд, мерцавших во тьме мириадами искрящихся крупинок. - Но теперь мы знаем, что там эта разница достигла огромных масштабов. Мы знаем, что среди бесчисленных вечных проблем космоса появилась еще одна - увеличенная до страшных размеров проблема темпов. Пэскью обдумывал услышанное.

- Я согласен с вами и не могу спорить, потому что это очевидно. Раньше или позже, но мы будем снова и снова сталкиваться с ней. В

конечном счете, это обязательно случится где-нибудь еще.

- Отсюда и мои страхи, - подтвердил Лейф. - Вы же сами их и раздуваете, - заметил Пэскью. - А меня это не беспокоит. Я этого совершенно не боюсь. Какое мне дело до того, что какой-то ненормальный разведчик откроет формы еще более медлительные, чем неспешиты? Они решительно никак не повлияют на мои юные годы.

- Так ли уж ему надо искать более медлительных? - не без ехидства поинтересовался Лейф.

Пэскью удивленно уставился на него.

- О чем это вы?

- Все та же проблема темпов, с которой вы уже согласились. Переверните ее и посмотрите на нее с другой стороны. Что произойдет, если мы наткнемся на форму, которая будет в двадцать раз быстрее нас? Форму, которая будет смотреть на нас так же, как мы смотрим на неспешитов?

Помолчав пару минут, Пэскью потер лоб и неуверенно произнес:

- Это невозможно.

- Разве? Почему?

- Потому что мы бы уже встретились с ними намного раньше. Они должны были найти нас первые.

- А что, если они появятся в сто раз позднее? Или они молодой вид, и их возраст равен одной десятой нашего, но они уже догнали нас по уровню развития?

- Послушайте, - произнес Пэскью, и на его лице появилось то же выражение, которое было у его собеседника в течение последних нескольких недель. - Здесь и так хватает забот, а вы еще придумываете себе новые.

Тем не менее, когда корабль совершил посадку, он все еще продолжал обдумывать все возможные варианты этой задачки; и было видно, что с каждой минутой она тревожит его все больше.

В рубку вошел офицер Четвертого Сектора, неся с собой кипу документов. Это был тучный субъект, сияющий деланным радушием.

- Лейтенант Воген, к вашим услугам, командор, - восторженно доложил он. - Надеюсь, у вас было приятное и полезное путешествие.

- Оно могло быть хуже, - сухо ответил Лейф. Излучая самую доброжелательность, Воген продолжал:

- Мы получили сигнал с Земли от Маркхэма из Ведомства Назначений. Он хочет, чтобы вы после проверки состояния корабля и дозаправки полетели взглянуть на планету "Девчоночка". Ее точные координаты указаны в послании.

- Как, вы сказали, она называется? - переспросил Пэскью.

- Девчоночка.

- Да хранит нас небо! Девчоночка! - Он тяжело сел и вперился взглядом в стену. - Девчоночка!

Он поиграл пальцами рук и повторил это название в третий раз. По некоторой причине, наилучшим образом ему известной, он был уже просто загипнотизирован Девчоночкой. Наконец, как бы что-то подозревая, спросил:

- Кто сообщил о ней?

- Я точно не знаю. Но здесь должно быть написано. - Воген с готовностью порылся в своих бумагах. - Да, вот есть. Этого парня зовут Арчибальд Бойделл.

- Так я и знал! - взвизгнул Пэскью. - Я ухожу в отставку. Я немедленно слагаю с себя обязанности.

- Вы немедленно слагали с себя обязанности, по крайней мере, раз двадцать за последние восемь лет, - напомнил Лейф. - Это становится скучным.

- В этот раз я говорю совершенно серьезно.

- То же самое вы говорили и раньше. - Лейф вздохнул и добавил: - И если вы действительно побежите сейчас писать рапорт, то скоро у вас будет прекрасная возможность вежливо предложить мне пойти к черту.

Пэскью замахал руками:

- Постарайтесь успокоиться и давайте посмотрим на вещи разумно.

Какая космическая команда, в здравом уме и истоптавшая в космосе не одну пару этих чертовых ботинок, может отправиться на мусорную свалку с таким именем - Девчоночка?

- Мы можем, - вымолвил Лейф. Он подождал, пока кровь отхлынет у него от лица, и закончил. - Почему бы не нам?

Плюхнувшись на стул, Пэскью минут пять сердито поглядывал на командора, прежде чем заговорил снова:

- Вероятно, что так. Да поможет мне Бог, я, наверное, слабый человек. - Он немного помолчал, глядя перед собой остановившимся взглядом, затем перенес свое внимание на Вогена. - Назовите ее имя еще раз на тот случай, если я неправильно его расслышал.

- Девчоночка, - услужливо произнес Воген, как бы извиняясь. - Он присвоил ей код 0/0.9/E5, указывающий на присутствие там разумной, но отсталой формы жизни.

- Он передал какие-нибудь свои наблюдения о ней?

- Одно слово, - сообщил Воген, снова проконсультировавшись с бумагами. - "Ох!"

По телу Пэскью пробежала мелкая дрожь.